

Время, 1861. №5

ОППОЗИЦІЯ ЗАСТОЯ

ЧЕРТЫ ИЗЪ ИСТОРИИ МРАКОБѢСІЯ

Ты видишь: я припоминаю,
Алеко, старую печаль.
Пушкинь.

I

Бываютъ въ литературѣ вещи, которыя совершенно ускользаютъ отъ вниманія современниковъ, но которыя, для послѣдующихъ поколѣній, представляютъ собою факты въ высшей степени замѣчательные, озаряютъ цѣлыя направленія. Такихъ вещей не надобно искать промежду крупныхъ литературныхъ явленій, ибо въ такомъ случаѣ онѣ были бы замѣчены современниками; такія вещи пишутся обыкновенно безъ всякихъ притязаній на какое либо значеніе, пишутся

такъ, вполнѣ отъ души, вполнѣ наивно. Въ нихъ мысль извѣстныхъ направленій является по домашнему, на распашку, какъ можетъ быть и не хотѣли бы показать ее головы извѣстныхъ направленій, или по крайней мѣрѣ, какъ не хотѣли бы они показать ее сначала. Въ такихъ проговоркахъ направленій, — проговоркахъ по большей части нежданныхъ и раннихъ, сказывается нѣчто роковое... Рада бы курочка не идти, да за хохолокъ тащуть.

Къ числу такихъ наивныхъ и въ историческомъ смыслѣ драгоценныхъ вещей принадлежитъ письмо благороднѣйшаго изъ смертныхъ М. Н. Загоскина къ издателю первоначальнаго «Маяка» — 1840 года, Петру Александровичу Корсакову, — письмо, которое издатель, какъ самъ говоритъ въ примѣчаніи, помѣстилъ, скрѣпя сердце.

Въ своемъ родѣ, это наивное письмо Загоскина такъ же смѣло, какъ знаменитое письмо Чаадаева. Не надобно забывать только неизмѣримую разницу между

авторами писемъ въ отношеніи къ умственному ихъ развитію, равно какъ и того, что одинъ, Чаадаевъ, разсѣкъ хорошо ли, худо ли гордіевъ узелъ лжи, а другой... другой только открылъ заткнутое до тѣхъ поръ отверстіе, изъ котораго полилась всякая нечистота.

Вотъ это письмо. Я привожу его цѣликомъ, какъ очень немногимъ извѣстное и всѣми забытое, а между тѣмъ знаменательное по отношенію къ вопросу, составляющему предметъ моихъ изслѣдованій.

«Любезный другъ, Петръ Александровичъ! Давно уже я собираюсь писать къ тебѣ и поблагодарить тебя за истинное удовольствіе, которое приноситъ мнѣ чтеніе твоего изданія, и вотъ наконецъ собрался, тогда какъ бы мнѣ вовсе писать не слѣдовало, потомучто я, измученный ужасными спазмами, три дня уже ничего не ѣлъ и едва могу отъ слабости сидѣть на стулѣ; *но сердце мое не терпитъ нѣмоты* — я прочелъ или, лучше сказать,

проглотилъ послѣднюю (IV) часть «Маяка» — ретивое закипѣло, стеклянку съ микстурой за окно, перо въ руку и пишу.»

Прежде всего надобно замѣтить, что М. Н. Загоскинъ былъ именно одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ вполне искреннихъ и чистыхъ людей, у которыхъ «сердце не терпитъ нѣмоты». Стоитъ только прочесть очеркъ его личности, художнически набросанный С. Т. Аксаковымъ въ біографіи Загоскина и въ разныхъ мѣстахъ «Воспоминаній», чтобы въ этомъ убѣдились всѣ читатели, незнавшіе Загоскина, какъ писателя и какъ человѣка. Что Загоскинъ былъ точно боленъ и точно оживленъ чтеніемъ «Маяка» до того, что стеклянки съ лекарствами полетѣли въ окно, и что онъ тотчасъ же схватилъ перо, чтобы передать свои впечатлѣнія, въ этомъ грѣхъ и сомнѣваться. Что же, спрашивается, подвигло и оживило такъ эту добрую, честную, искреннюю натуру, которая до старости воспламенялась легко какъ сѣрная спичка? Что?... А вотъ послушайте:

«Боже мой! сколько въ этой части прекрасныхъ вещей? *что за логическая, святая и умная голова у твоего товарища Бурачка!* сколько новыхъ, ясныхъ идей, сколько святыхъ истинъ! — Наконецъ, благодаря Бога, явилось у насъ издание книги, въ которой говорятъ прямо, что безъ религіи не можетъ быть и хорошей литературы...

«Когда я прочелъ между прочимъ въ разборѣ *Героя нашего времени* слѣдующія слова: «Какъ не жаль хорошее дарованіе посвящать такимъ гадкимъ нелѣпостямъ, изъ одной только увѣренности, что они будутъ имѣть успѣхъ; дѣло давно извѣстное, чѣмъ всего скорѣе угодишь слабымъ людямъ; но дѣло ли художника пользоваться этой слабостью людей, *когда художникъ призванъ именно врачевать эту слабость*, а не развивать ее», — то я такъ бы и бросился къ Бурачку на шею — да на бѣду шея—то его въ Петербургѣ, а мои руки въ Москвѣ — такъ прошу тебя, любезный другъ, исполнить это за меня раг

procuration. Однакожь, я не во всемъ согласенъ съ твоимъ сотоварищемъ, и въ двухъ случаяхъ вовсе его не понимаю — вотъ въ какихъ именно.

«Не понимаю, какъ могъ Бурачекъ, человекъ религиозный, логическій, человекъ, который такъ хорошо опредѣлилъ достоинство *Героя нашего времени* — какъ могъ назвать Марлинскаго *колоссомъ*. О Господи! да простится ему этотъ грѣхъ и въ сей и въ будущей жизни! Что такое былъ Марлинскій? Разскащикъ съ талантомъ и воображеніемъ. Марлинскій, этотъ, по временамъ, самый рабскій подражатель неистовой французской школы — этотъ бонмотистъ, щеголяющій самыми нелѣпыми сравненіями и остротами, этотъ умникъ, который живя на Кавказѣ, описывалъ нравы московскаго общества по Бальзаку и вѣроятно лучше зналъ бытъ дербентскихъ татаръ, чѣмъ русскихъ мужичковъ; этотъ исковерканный, вычурный, осыпанный полинялыми французскими блестками Марлинскій, который говоритъ, что *улитка* разговора

перешла на другой предмет и думаетъ, что сказалъ очень умно; *этотъ безусловный обожатель запада и всѣхъ его мерзостей*, — этотъ Марлинскій, который находитъ, что *между дикимъ чеченцемъ и русскимъ дворяниномъ меньше разстоянія, чѣмъ между этимъ послѣднимъ и какимъ нибудь французскимъ маркизомъ или англійскимъ лордомъ, какъ будто бы всѣ маркизы и лорды люди истинно просвѣщенные, а всѣ русскіе дворяне рѣшительно невѣжды*, — Марлинскій, у котораго во всѣхъ сочиненіяхъ подобныя нелѣпости разсыпаны тысячами; Марлинскій, который коверкалъ, увѣчилъ, ломалъ, терзалъ безъ всякой пощады русскій языкъ; Марлинскій, который изрѣдка говорилъ языкомъ человѣческимъ и никогда не согрѣвалъ души читателя ни одной высокой религіозной мыслью; наконецъ Марлинскій, въ которомъ я только потому и признаю истинный талантъ, что не смотря на всѣ эти дряни, онъ читается съ удовольствіемъ — этотъ Марлинскій — колоссъ! Что же послѣ этого

тотъ, кого Бурачекъ называетъ пигмеемъ? чтожъ онъ такое? инфузорій?»

Я еще не останавливаюсь пока на частномъ предметѣ вражды и озлобленія покойнаго Загоскина на Марлинскаго, хотя одной этой вражды къ нему, — вражды честной и искренней со стороны такого честнаго и искренняго представителя застоя какъ Загоскинъ, — достаточно для того, чтобы заставить всякаго серьезнаго мыслителя перевѣрить взглядъ Бѣлинскаго на дѣятельность А. А. Бестужева, — взглядъ, относящійся къ тому переходному моменту примиренія съ дѣйствительностью, на которомъ въ общихъ своихъ задачахъ не остановился долго нашъ великій критикъ, и который во многомъ сходится со взглядомъ Загоскина. Дѣло пока не въ Марлинскомъ. Загоскинъ ненавидитъ въ Марлинскомъ начало тревожное, начало движенія и порыва впередъ, ненавидитъ наивно, и ненавидитъ до того ослѣпленія, что обвиняетъ А. А. Бестужева, который былъ русскимъ человѣкомъ по крайней мѣрѣ не

менѣ его, М. Н. Загоскина, *«въ безусловномъ обожаніи запада и всѣхъ его мерзостей»*. Вотъ что важно какъ фактъ, и въ особенности важно то, что Загоскинъ упрекаетъ критика «Маяка» въ *непоследовательности*, — упрекаетъ съ точки зрѣнія застоя совершенно справедливо, до того справедливо, что Корсаковъ въ примѣчаніи принужденъ оправдывать Бурачка и головою выдать Загоскину Марлинскаго.

Человѣкъ простой и искренній, какъ Загоскинъ, наивнѣйшимъ образомъ влечетъ теоретиковъ въ роковой путь:

«Другой случай — продолжаетъ Загоскинъ — касается одного меня. Бурачекъ говоритъ, что *всѣхъ русскихъ романистовъ нельзя обвинять въ религиозности*. Въ этомъ общемъ числѣ, вѣроятно нахожусь и азъ многогрѣшный. Я могу быть писателемъ бездарнымъ, невѣждою — всѣмъ, что ему угодно; но чтобъ въ романахъ и повѣстяхъ моихъ не проявлялись идеи религіозныя, нѣтъ! воля

его, въ этомъ я никакъ не могу согласиться. Я не сомнѣваюсь, убѣжденъ, вѣрую, что мой первый романъ обязанъ своимъ успѣхомъ именно религіозному чувству, которымъ онъ согрѣтъ. Если Бурачекъ, прочтя первый томъ «Аскольдовой могилы» не замѣтилъ въ этомъ романѣ рѣшительно религіознаго направленія, то или ему не угодно было вовсе обратить на это своего вниманія, *или наши понятія о религіозности не имѣютъ ничего общаго.*»

Не самолюбіе оскорбленнаго автора — нѣтъ! это можно сказать положа руку на сердце — внушило Загоскину эти строки, а оскорбленное убѣжденіе чловѣка, честно и горячо служившаго убѣжденію. И вотъ онъ во имя этого горячаго убѣжденія, тянетъ тѣхъ, которыхъ признаетъ своими собратіями, какъ говорится «на расправу». Отступать нельзя. Корсаковъ въ примѣчаніяхъ извиняется передъ романистомъ и прямо говоритъ: «Guilty! вотъ и все оправданіе! Я и товарищъ совершенно согласны во всемъ этомъ...»

Это даже трогательно, кромѣ всякихъ шутокъ.

Но, точно ли отступать передъ религіозностью М. Н. Загоскина и его романовъ было нельзя? Вотъ это другой вопросъ. Послѣдствія доказали, что *можно*, но только послѣдствія доказали это, и еще доказываютъ и можетъ быть долго еще будутъ доказывать, что между обскурантизмомъ и религіею свѣта, между застоємъ и ученіемъ любви — нѣтъ ничего общаго... Для всѣхъ этихъ послѣдствій нужны были и простая книга отца Парѣнія, поразившая своей простотою мудрыхъ и разумныхъ и жадно прочтенная толпою, и глубокое мышленіе И. Кирѣевскаго и блестящіе, оригинально-смѣлые и широкіе взгляды Хомякова, и полное вѣры, любви и жизни слово архимандрита Феодора и, позволю себѣ сказать, чисто земныя литературныя явленія, — явленія натурализма, на который всего болѣе нападали слѣпые поборники застоя. Посмотрите, какъ поблѣднѣлъ юродивый Митя «Юрія Милославскаго» передъ одной

главой въ «Дѣтствѣ» Толстаго, гдѣ съ такой правдой и любовью изображено лицо юродиваго, такъ что вы въ этомъ простомъ художническомъ изображеніи не заподозрите не то что тѣни фальши, но даже какой либо сентиментально-субъективной примѣси. Сравните смерть идеальнаго добродѣтельнаго челоуѣка въ романѣ «Рославлевъ», съ смертями севастопольцевъ у Толстаго же, или сцену дѣйствительно теплую, но фальшивую по примѣси субъективнаго и сентиментальнаго, — сцену смерти боярина Кручины-Шалонскаго въ «Юріѣ»... ну хоть съ сценою смерти простаго благочестиваго мѣщанина, въ очеркахъ г. Зарубина, печатающихся въ «Библіотекѣ для Чтенія» подъ названіемъ: «Жизнь», — очеркахъ замѣчательныхъ въ высшей степени, какъ свидѣтельство громадныхъ шаговъ натурализма въ наше время... Сравните все это между собою, — сравните наконецъ противно-сентиментальное добродушіе загоскинскихъ лицъ съ типами Островскаго, въ родѣ «Агаѳона» и для васъ будетъ ясно,

что передъ «религіозностью» загоскинскихъ романовъ отступить было можно безъ оправданій и извиненій, во имя правды и жизни.

Но теорія — слѣпая и узкая, какъ всякая теорія — отступить не могла и повлеклась къ крайностямъ роковымъ процессомъ.

«Я полагаю — продолжаетъ нещадно—послѣдовательно наивный талантливый человекъ застоя — что религіозность въ романѣ состоитъ въ томъ, *чтобъ при всякомъ удобномъ случаѣ, напоминать читателю,* что земная жизнь есть не цѣль, а только средство къ достиженію цѣли; что безъ христіанской религіи нѣтъ истиннаго просвѣщенія, *что мудрованье западныхъ философовъ есть только мѣдь звѣнящая и кимвалъ звѣняй,* и что наконецъ одна только вѣра въ Христа даетъ человеку возможность **быть истинно добродѣтельнымъ:** все это — видитъ Богъ — можетъ быть очень дурно, но я стараюсь выполнять во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ...»

Что за удивительная смѣсь — невольно перерву я выписку — высшихъ, несомнѣнныхъ истинъ, съ узкими, чисто-личными враждами противъ философіи, съ чисто-личными стремленіями заставлятъ искусство *напоминать*, указкой указывать. Невольно повторишь слова, сказанныя отцомъ архимандритомъ Θεодоромъ въ его борьбѣ съ г. Аскоченскимъ. Всѣ обскуранты кажется думаютъ, что для Бога разумъ человѣческій такъ же мало дорогъ какъ для нихъ!

«Правда — говорить далѣе Загоскинъ — съ нѣкотораго времени я поослабѣлъ, потомучто усталъ воевать одинъ противъ нашихъ *скептиковъ, европейцевъ, либераловъ, ненавистниковъ Россіи, апологистовъ неистовыхъ страстей и поэтовъ сладострастья, т. е. защитниковъ земной жизни и встѣхъ ея наслажденій*. Но когда сталъ выходить вашъ «Маякъ», и я познакомился съ Бурачкомъ, то сердце мое снова ободрилось; я сказалъ: слава Богу!

теперь я не одинъ — насъ двое! теперь есть у меня сослуживецъ на этомъ ратномъ полѣ — да еще какой? чудо-богатырь! не тутъ-то было. Бурачекъ не хочетъ меня признать и товарищемъ. Жаль! нашъ полкъ не великъ, а ихъ — избави Господи!!»

Удивительно видѣнъ въ этомъ мѣстѣ Загоскинъ, — видѣнъ и для тѣхъ вѣроятно, которые не знали его, не читали даже его сочиненій, а читали аксаковскія «Воспоминанія» — добродушный, наивный, недалекій — кидающійся на шею и... таковъ фанатизмъ теоріи, чуть что не инквизиторъ въ своихъ умственныхъ враждахъ. Да иначе и нельзя. Теорія требуетъ жертвъ какъ древніе идола. «Домашняя Бесѣда» обнаружила же въ прошломъ году интимную переписку Загоскина, переписку, изъ которой видно, что мрачное изувѣрство и ему самому грозило огненными сковородами за сомнѣніе въ огненныхъ сковородахъ... Благодушный старый ребенокъ играетъ съ огнемъ, а все-таки остается старымъ ребенкомъ. Такъ съ нимъ

и обращаются *мудрые* друзья его: «Guilty! Guilty! повторяетъ въ выносѣ П. А. Корсаковъ. Безъ вины виноваты! Заставьте за себя вѣчно Бога молить». А тѣмъ не менѣе онъ какъ роковая сила влечетъ и долженъ влечь своихъ мудрыхъ друзей, къ тѣмъ крайнимъ предѣламъ, гдѣ всѣ разсужденія становятся уже только ампификаціею немногословной, но глубокой содержаніемъ думы Павла Аѳанасьевича Фамусова:

По моему, чтобъ зло пресѣчь,

Такъ взять бы книги всѣ да сжечь!

Вотъ онъ обращается къ самому г. Бурачку, съ слѣдующею *рѣшительною* рѣчью:

«Теперь я обращаюсь прямо къ вамъ, неумолимый мой судья; я думаю Корсаковъ исполнилъ уже мое препорученіе, мы съ вами обнимались, слѣдовательно можемъ

говорить откровенно какъ старинные пріятели. Г. Бурачекъ (имя и отчества вашего не имѣю честь знать)! я прочель съ восторгомъ вашъ разборъ духовныхъ сочиненій, съ наслажденіемъ почти всѣ статьи о словесности; но когда дочитался до колосса Марлинскаго и заглянулъ потомъ въ статью о философіи, *то меня такъ холодомъ и обдало! ахъ, батюшки! подумалъ я, ужь не хочетъ ли онъ служить двумъ господамъ? избави Господи?* Что это, почтенный Бурачекъ, вы такъ уважаете философію, разумѣется, я говорю о философіи, которая ведетъ или лучше сказать, старается вести насъ къ познанію истины и къ необходимости нашего перерожденія, другой я не признаю. Эта философія для плохого христіанина наука сбивчивая, шаткая и рѣшительно неудовлетворительная, потомучто душа его чувствуетъ, что онъ ищетъ истину не тамъ гдѣ долженъ искать ее и что божественная истина недоступна для земного нашего разума, и постигается одною только вѣрою. Для истиннаго христіанина философія (не

прогнѣвайтесь!) одно пустословіе, потомучто важнѣйшіе ея вопросы для него давно уже рѣшены. Не истинный тотъ христіанинъ, который станетъ искать доказательствъ безсмертія души въ Платоновомъ Федокѣ, не истинный тотъ христіанинъ, который станетъ благоговѣть передъ наукою, въ которой дѣлаются слѣдующіе вопросы (извините): Не самобытенъ ли видимый міръ? Конеченъ ли онъ, или у него не было начала и не будетъ конца? Не правда ли, что эти вопросы и рѣшенія ихъ должны показаться христіанину не только пустословіемъ, но даже и богохульствомъ? Осмѣлится ли онъ повѣрять своимъ ничтожнымъ земнымъ умомъ истины изрѣченныя самимъ Богомъ? да и что прибыли ему изучаться философіи, чтобъ узнать, что онъ долженъ вѣрить тому, чему давно уже, безъ всякихъ доказательствъ вѣрить. Воля ваша, какъ бы мнѣ ни стали умно доказывать, что я, т. е. М. Н. Загоскинъ — точно М. Н. Загоскинъ, *а все-таки бы я сказалъ, что это пустословіе.* Къ чему же ведетъ эта наука

того кто вѣруеть? ровно ни къ чему; и неужели вы скажете, что вѣруеть только тотъ, кто учился философіи? Г. Бурачекъ! вы называете почти всѣхъ насъ язычниками, что къ несчастію довольно справедливо, смотрите не сдѣлайтесь сами язычникомъ, не вздумайте сами вмѣсто Бога поклоняться философіи, т. е. вашему земному разуму. Древніе ему и поклонялись, это очень естественно, философія была откровеніемъ эллино-мудрецовъ, а мы по милости Божіей христіане, т. е. знаемъ все то, что можемъ и должны знать, не изучая ни Гегеля, ни Фихте, ни Канта, ни Окэна, *ни всѣхъ этихъ эллино-христіанскихъ болтуновъ*, о мудрости которыхъ кажется не съ большой похвалою отзывается апостоль Павелъ. Теперь, позвольте, Бурачекъ, пожать у васъ на прощаньи руку, только сдѣлайте милость не будьте деспотомъ, ни гнѣвайтесь на меня за то, что я думаю не по вашему, а по моему»...

Павель Аѳанасьевичъ Фамусовъ является въ этихъ тирадахъ одѣтымъ пожалуй нѣсколько по модѣ уже, онъ и о Кантѣ и объ Фихте слыхаль, до него объ Окэнѣ какъ-то долетѣли слухи, а все же онъ Павель Аѳанасьевичъ Фамусовъ, милый, достолюбезный врагъ всякаго духа изслѣдованія

Обычай мой такой —
Подписано и съ рукъ долой!

гонитель плоти, «грѣшнымъ дѣломъ» балующійся однако, если не съ Лизою, то сценами сентиментально добродѣтельной любви, добрѣйшій Павель Аѳанасьевичъ, который

всякому, ты знаешь радъ,

со всякимъ обнимается и т. д. Но кромѣ забавныхъ фамусовскихъ чертъ, въ тирадахъ, есть черты мрачныя, по крайней мѣрѣ наводящія на мрачныя размышленія.

Теорія вообщє ведеть къ извѣстнаго рода терроризму своихъ адептовъ. Загоскинъ былъ наивный Камилль Дюмулень обскурантизма, относительно строгаго и суроваго Робеспьера этого дѣла. Но на этого Камилла Дюмулена былъ своего рода Марать, тотъ господинъ, съ которымъ интимную корреспонденцію его обнаружила «Домашняя Бесѣда» этотъ истинный гебертизмъ мракобѣсія. Въ обскурантизмѣ были и свои constituents и свои жирондисты...

На смѣлыя наивности Камилла Дюмулена, г. Бурачекъ отвѣчалъ какъ наставникъ, нѣкоторою защитою философіи, въ выноскѣ подъ письмомъ, но въ сущности, наивное письмо бросило «Маякъ» въ роковой процессъ. Конечнымъ словомъ этого процесса, — была вражда со всякимъ духомъ изслѣдованія. Чего не досказалъ «Маякъ» то въ наши дни по торжищамъ и стогнамъ голосить «Домашняя Бесѣда», послѣдовательнѣйшее развитіе мрачной теоріи, которой зерно лежало однако въ «Маякѣ» съ самага начала этого изданія,

которой плевелы заглушали все доброе и передовое, что было въ «Москвитянинѣ» до 1850 года и примѣшивались по временамъ даже къ преобразованному «Московитянину» пятидесятихъ годовъ, съ которой невольное соприкосновеніе въ нѣкоторыхъ пунктахъ парализировало силы благороднаго славянофильскаго направленія, то заставляя другихъ ложно смотрѣть на него, то вторгаясь иногда страннымъ образомъ въ самое это направленіе. Теорія мрака и застоя, съ которой борьба стала вполнѣ возможна только въ наши дни, на ея же полѣ — теорія, которой пасть суждено только въ такой борьбѣ подъ ударами могущественной діалектики автора книги: «Православіе и современность» и догматической учености «Православнаго обозрѣнія»...

Теорія разумѣется начала свое дѣло не съ тѣхъ крайнихъ положеній, которыя такъ добросердечно высказалъ наивный Загоскинъ въ своемъ письмѣ, появившемся въ VI части перваго (1840) года «Маяка современнаго просвѣщенія и

образованности». Крайнія положенія конечно заключались уже и притомъ заключались сознательно въ идеяхъ издателей журнала, по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ, но еще не высказывались съ такою ясностью и простотою.

Что такое былъ «Маякъ»? Для многихъ изъ читателей, этотъ журналъ — какой-то далекій миѳъ, и для всѣхъ, это можно сказать утвердительно, онъ представляется чѣмъ-то въ родѣ «Домашней Бесѣды» въ большихъ размѣрахъ. Между тѣмъ такое понятіе не совсѣмъ вѣрно. Между «Маякомъ» и «Домашней Бесѣдой» такая же бездна, какъ — опять прибѣгаю къ сравненію — между теоріями Максимилиана Робеспьера и гебертизмомъ. «Маякъ» въ наше время вѣроятно также бы отвернулся отъ цинизма убогой газетки, какъ нѣкогда аррасскій депутатъ и его партія отъ листовъ *Page Duschesne'* я, который былъ почти всегда *en colire*.

«Маякъ» для насъ уже теперь — исторія. Мы можемъ подойти къ нему какъ ко всякому явленію безъ страха и вражды.

«Маякъ» былъ ни болѣе ни менѣе какъ прямой наслѣдникъ направленія Шишкова съ одной стороны и продолжатель направленія Лабзинскаго «Сіонскаго Вѣстника» съ другой. Стало быть, онъ слагался изъ двухъ элементовъ, которые можно назвать: одинъ — мистицизмомъ, — другой — петербургскимъ націонализмомъ.

Мистицизмъ можно оставить въ сторонѣ; во-первыхъ потому, что онъ дѣло до сихъ поръ загадочное, породившее и Вейсгаупта съ его иллюминатствомъ и Новикова съ его просвѣтительною дѣятельностью и вмѣстѣ съ тѣмъ множество совершенно противоположныхъ явленій; во вторыхъ потому, что собственно къ предмету моихъ разсужденій, къ вопросу объ отношеніяхъ нашего сознанія къ народности, эта струя не относится. Во всякомъ случаѣ, въ мистическихъ началахъ «Маяка» есть своего рода блестящая сторона. Логичностью изложенія и извѣстнаго рода силою мышленія г. Бурачка могъ поразиться не одинъ М. Н. Загоскинъ. *Suum cuique*, пора это сказать во

всеуслышаніе. Вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о философскихъ принципахъ, г. Бурачекъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы «Маяка», является мыслителемъ логическимъ, діалектикомъ выработавшимъ свой оригинальный методъ, съ которымъ можно спорить, но котораго нельзя было бы не уважать, если бы онъ самъ по больше уважалъ свои принципы и не прилагалъ ихъ ко всякой дѣйствительности, за недостаткомъ лучшей, если бы онъ своихъ личныхъ, старческихъ вкусовъ и антипатій не вносилъ въ борьбу за принципы.

Противъ взгляда чисто отрицательнаго должна была непременно явиться реакція, долженъ былъ выступить взглядъ положительный...

Но взглядъ отрицательный былъ силенъ и тѣмъ, что отрицалъ дѣйствительную фальшь, и тѣмъ, что имѣлъ точки опоры въ литературѣ. Всю литературу, которая стоила имени литературы, которая была живая, онъ принималъ за точку отправленія: все мертвое, выдуманное, сочиненное — онъ отвергалъ. Его точка

отправленія не расходилась съ общимъ сочувствіемъ. Въ этомъ, да въ очевидной фальши всего выдуманнаго, сочиненнаго заключалась главнымъ образомъ его сила. Со всѣмъ живымъ онъ шолъ объ руку, разъясняя его, проповѣдуя, распространяя. Борьба за Пушкина, за Лермонтова, за Гоголя, была для него вмѣстѣ съ тѣмъ и борьба за свѣтъ. Онъ вѣриль въ живыя силы жизни...

Но въ этихъ живыхъ силахъ отрицательный взглядъ видѣлъ не все, что онѣ въ себѣ заключали, что онѣ несли съ собою въ міръ, и потому разъяснялъ ихъ односторонно, по своему. Онъ былъ также теорія, и не могъ быть инымъ...

Несогласные съ его выводами, а таковыхъ было и въ ту эпоху не мало, раздѣлились на два толка. Одни отвергли самую точку опоры отрицательнаго взгляда, отвергли живую литературу и чѣмъ дальше шли, тѣмъ должны были отвергать безпощаднѣе. Чтобы держаться за что нибудь дѣйствительное, они въ слѣпомъ усердіи защищали рядъ «выдуманныхъ» сочиненій,

сами «выдумывали, сочиняли» новую литературу и сочиненныя ими или ихъ послѣдователями пошлости въ какомъ-то странномъ ослѣпленіи выдавали за истинную литературу, отстаивали жарко нелѣпости, и разумѣется остались совершенно одни. Это направленіе наслѣдовало потерянное дѣло Шишкова и замкнулось въ «Маякѣ».

Другіе напротивъ жарко вѣрили въ живую литературу, по крайней мѣрѣ въ Пушкина и въ Гоголя, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могли долго перейти завѣтной черты и хотѣли помирить сочувствіе къ живому, съ сочувствіемъ къ отжившему во имя святости преданія. Въ мысли о значеніи преданія, они были совершенно правы, но высокую мысль они приковывали къ такому выдуманному вздору, какъ почти вся наша литература XVIII и начала XIX вѣка и къ такимъ безобразнымъ остаткамъ этого выдуманнаго вздора, какъ творенія г. М. Дмитріева или пѣснопѣнія г-жи Авдотьи Глинки. Правые въ борьбѣ за народность и преданіе съ отрицательнымъ

взглядомъ, они были въ высшей степени неправы въ борьбѣ за фальшь, которой обличеніе считали чуть ли не за *crimen lesae majestatis*. Это направленіе породило «Москвитянинъ» первой эпохи, такъ много мѣшавшій «Москвитянину» пятидесятихъ годовъ, мѣшавшій и самому редактору въ его безспорно передовыхъ идеяхъ и молодой редакціи въ ея юношескихъ, но честныхъ и пламенныхъ стремленіяхъ.

Ни то ни другое направленіе не было славянофильство, хотя съ тѣмъ и съ другимъ славянофильство имѣло повидимому много общаго, до того, что въ глазахъ отрицателей сливалось то съ тѣмъ, то съ другимъ направленіемъ, до самой минуты своего отдѣленія. Сходство было только видимое. Славянофильство никогда не мирилось съ существующимъ, какъ направленіе «Маяка», не прилагало своихъ строгихъ принциповъ къ первой попавшейся дѣйствительности: самые принципы захватывало несравненно шире и притомъ выводя ихъ изъ мистическаго тумана въ философско–историческія области какъ

Кирѣевскій и Хомяковъ; честно во имя этихъ принциповъ отвергло всякую фальшь, порожденную реформою и отвергло даже значеніе самой реформы. Идеаль свой оно отодвинуло въ прошедшее. Съ другой стороны оно не могло слиться и съ направлениемъ, высказывавшимся въ «Москвитянинъ». За направлениемъ «Москвитянина», и первой и второй его формы, можно зачислить одну заслугу. Оно никогда не было теоретическимъ, будучи часто хаотическимъ. Оно вѣрило въ живую жизнь, и несло по ея волнамъ, нерѣдко съ иломъ и тиною. Оно знало всегда народъ какъ народъ, не зная дѣленія его на до петровскій и послѣ петровскій, на степной и городской и т. д. Славянофильство выдѣлилось изъ этихъ двухъ направленій, какъ совершенно особое явленіе, какъ сила болѣе отрицательная, чѣмъ положительная и потому, оно не войдетъ въ настоящее разсужденіе, имѣющее дѣло съ оппозиціею положительнаго взгляда.

Оппозицію эту я назвалъ оппозиціею застоя и попытку историческаго анализа ея,

чертами изъ исторіи мракобѣсія. Она была дѣйствительно такою въ «Маякѣ», потомучто онъ и опирался на одну дѣйствительность застоя и самъ сочинялъ новую, по такому же образцу, ослѣпленно враждуя со всѣми живыми силами жизни до того, что подъ конецъ все живое провозгласилъ погибельнымъ и погибнувъ самъ, передалъ свое завѣщаніе гебертизму «Домашней Бесѣды». Она являлась такою и въ «Москвитянинѣ», потомучто долго стремилась служить двумъ идеямъ, и вѣруя въ живое, все пробовала нельзя ли какънибудь сберечь и драгоцѣнную тину. Оппозиція положительнаго взгляда только тогда перестала быть оппозиціей застоя, когда она оперлась за новыя силы жизни, сказавшіяся въ новой литературѣ, въ литературѣ натурализма. Тогда она стала оппозиціей законной, оппозиціей жизни теоріямъ, какъ западнымъ, такъ равно и славянофильскимъ.

II

«Много добраго — такъ говорили издатели «Маяка» въ заключеніе VI книги перваго года своего изданія (1840) — хотѣлось намъ сдѣлать для добрыхъ русскихъ, изданіемъ «Маяка». *Цѣль* его — ихъ польза и наслажденіе. *Содержаніе* его — обнимаетъ все, что только можетъ интересовать человѣка. *Исполненіе* «Маяка» — не погнушайте провѣрить теперь вмѣстѣ съ нами: чтъ такъ — примите, что не такъ — помогите исправить. Мы уже столько сдѣлали, что можно довольно безошибочно обсудить и цѣль и исполненіе; *и не такъ еще далеко мы зашли, чтобъ не было возможности поправить и передѣлать...»*

Такъ говорилось въ той самой книжкѣ, въ которой печаталась статья Загоскина, — въ той самой книжкѣ, съ которой теорія повлеклась по роковому процессу къ своимъ крайностямъ. Въ заключительной статьѣ этой VI книжки, въ сжатыхъ и точныхъ чертахъ повторялась нѣкоторымъ образомъ программа изданія, — программа, съ принципомъ которой можно было

пожалуй спорить, но которая представляла собою, какъ основанная на извѣстной доктринѣ — изложеніе убѣжденій, могущихъ имѣть свое законное мѣсто въ человѣческомъ мышленіи.

«Мы начнемъ, — продолжаютъ издатели, — свой отчетъ подробнымъ изложеніемъ *содержанія* «Маяка», которое направляясь къ разнымъ исключительнымъ цѣлямъ, черезъ нихъ же постоянно стремится въ тоже время къ одной преобладающей цѣли. Мы не побоимся войти, гдѣ это нужно будетъ, въ нѣкоторыя подробности и доказательства; вы не бойтесь и прочтите ихъ со вниманіемъ, для того, чтобъ имѣть потомъ полное право судить и судить справедливо.

«1) На заглавномъ листѣ вы читаете: «Маякъ — собраніе *трудовъ и ученыхъ и литераторовъ русскихъ и иностранныхъ.*» Цѣль не мудрая, такихъ сборниковъ у насъ много. Всѣ журналы, хоть не такіе, но подобные же сборники. Какъ бы то ни было, все-таки эта цѣль достигнута;

можетъ быть и не совсѣмъ дурно, по крайней мѣрѣ мы слышали будто въ «Маякѣ» есть вещи хорошія.

«2) Но собирать статьи можно просто, какъ случится, разставляя ихъ только по условленнымъ сортамъ, не заботясь много о томъ, къ чему они ведутъ; были бы только сегодня интересны; или можно это собраніе подчинить особой системѣ, ведущей къ своего рода высшей цѣли. Это вторая главная цѣль, не только еще не достигнутая, но даже не вполне еще выясненная читателямъ «Маяка» — *есть просвѣщеніе и образованность.*

Итакъ, главная цѣль «Маяка» была повидимому въ высшей степени похвальная: просвѣщеніе и образованность... Но отъ чего же эту столь общую цѣль издатели какъ будто защищаютъ, защищаютъ свое изданіе отъ какихъ-то, — какъ слышится въ тонѣ, нападений? Все дѣло въ томъ, что слова «просвѣщеніе и образованность» — понимаютъ они иначе, нежели понимали другія современныя имъ направленія,

выражавшіяся въ другихъ, современныхъ имъ журналахъ, — и особенность своего пониманія этихъ словъ, они высказали въ общихъ чертахъ въ самой программѣ. Въ заключительной статьѣ VI книги — особенность эта выражена прямо и ясно.

Вотъ что говорятъ издатели:

«Странно покажется, а дѣйствительно такъ: XIX вѣкъ столько превозносится своимъ просвѣщеніемъ и образованностью, а между тѣмъ во *второй* четверти XIX же вѣка, *три* четверти челоуковъ едва ли умѣютъ различать два слова:

«*Просвѣщеніе и — скука.*

«*Образованность и — мораль: таже скука. Для нихъ это синонимы: вещи, о которыхъ бы они и слышатъ не хотѣли...»*

А! вотъ оно что. Маякъ стало быть предполагать и въ обществѣ и въ литературѣ — выражающей и потому самому руководящей общество — полнѣйшую разрозненность сознанія съ

истиннымъ просвѣщеніемъ и съ моралью. Стало быть и особенность его понятія о просвѣщеніи и образованности — есть особенность отрицательная. Значеніе его въ оппозиціи — *ложному* просвѣщенію и *безнравственности*, господствующимъ въ обществѣ и литературѣ, — во имя *истиннаго* просвѣщенія и *нравственности*.

«Хорошо — такъ продолжается разъясненіе — если то, что я принимаю за просвѣщеніе, *точно просвѣщаетъ а не мрачитъ*. Хорошо, ежели то, что я называю образованностью — *дѣйствительно, изъ животаго* *какимъ я родился, преобразуетъ меня въ челоѵка* — въ существо богоподобное, высокое, способное счастливить и быть счастливымъ.

«Но если все это на оборотъ? *Тогда сколько усилій потерянныхъ, трудовъ напрасныхъ, а можетъ быть и — погубельныхъ!* Вопросъ о дѣйствительномъ просвѣщеніи и образованности становится вопросомъ высочайшей важности; и нѣтъ челоѵка, кто могъ бы сказать: «это до

меня не касается». А когда такъ, то и мы коснемся этого предмета поглубже.

«Какъ безъ солнечнаго *свѣта* все томится, сидитъ во тьмѣ, спотыкается, падаетъ, леденѣетъ, мретъ, такъ, и въ милліонъ разъ болѣе такъ, душа — безъ *просвѣщенія*.

«Просвѣщеніе и образованность могутъ быть истинныя и вздорныя, существенныя и поверхностныя, полезныя и вредныя. Мы относимъ просвѣщеніе къ *разуму*, образованность къ *сердцу*. Для разума необходимъ свѣтъ *истины*, для сердца — теплота *любви*».

Все это — философскіе принципы, въ которыхъ много истины, въ которыхъ все пожалуй — истина, кромѣ одной повидимому совершенно второстепенной, невыдающейся на первый планъ мысли, мысли о *«потерянныхъ, напрасныхъ и можетъ быть — погибельныхъ трудахъ.»* Все остальное не новость, все остальное встрѣчаемъ мы въ мыслителяхъ какъ Хомяковъ, Кирѣевскій, отецъ Θεодоръ (я

напоминаю только о ближайшихъ къ намъ) — и видимъ, что оно не ведетъ ни къ отрицанію свободы общественной, ни къ отрицанію красоты въ искусствѣ, ни къ отрицанію испытующаго духа въ философіи, а напротивъ придаетъ только всѣмъ этимъ возвышеннымъ стремленіямъ силу, прочность, центръ. Но эти высокія основы — можетъ быть по сущности своей представляютъ собою такую высокую и острую крутизну, на которой въ желаемомъ равновѣсіи могли удерживаться только глубочайшіе христіанскіе мудрецы первыхъ семи вѣковъ и весьма немногіе изъ современныхъ, наслѣдовавшіе отъ нихъ не букву, которая мертвитъ, а духъ, который животворитъ. Немногіе дошли до той высоты воззрѣнія, потребной для простой и великой въ простотѣ своей мысли о. Феодора, что для Христа человѣческій разумъ вовсе не такъ ничтоженъ какъ для нѣсколькихъ поборниковъ застоя и насильственнаго единства, для нѣсколькихъ духовныхъ централизаторовъ, которымъ всякіе пути, уклоняющіеся отъ буквы,

представляются *«усиліями потерянными, трудами напрасными, а можетъ быть и погибельными»*. Централизаторы, приверженцы буквы, — странная иронія! — становятся свой собственный разумъ, т. е. свое личное, скованное пониманіе буквы мѣриломъ путей великой и таинственно-неусладимой силы и, — не зная ни ея послѣдующихъ проявленій, ни ея конечныхъ цѣлей, — произносятъ съ высоты присвоеннаго себѣ авторитета приговоръ всякимъ путямъ, кромѣ тѣхъ, которые условлены ихъ буквою... Вредъ происходящій отъ такого произвольнаго, хотя вмѣстѣ и рабски-буквальнаго указанія путей, ужасенъ и въ области мышленія и въ области искусства и въ области жизни. Много ли, повторяю, найдется Хомяковыхъ, Кирѣевскихъ, отцовъ Феодоровъ? Мы были свидѣтелями страшнаго, трагическаго событія, которое было прямымъ результатомъ воздѣйствія страшной централизаторской теоріи на глубокую и впечатлительную, но неясную и тревожную натуру високаго художника,

Гоголя. Его сомнѣніе въ духовномъ значеніи его дѣятельности, его смерть... не страшный ли это урокъ — но не міру, который лишился въ немъ великаго органа любви и свѣта, а централизаторамъ, елибъ они въ гордости своей были доступны какимъ либо урокамъ? Въ высшей степени замѣчательно въ его несчастной «перепискѣ» то письмо къ какому-то изувѣру-мраколюбцу, въ которомъ поэтъ отстаиваетъ значеніе арены, на которой посильно служить онъ правдѣ, красотѣ и любви — значеніе театра. Есть избранныя, необыкновенно ясныя души, которыхъ мракъ вовсе не касается, которымъ не можетъ представиться и самага вопроса о ложности и погибельности стремленій человѣка къ правдѣ, красотѣ и любви, если эти стремленія суть дѣйствительно стремленія. Такова была на примѣръ, ясная и свѣтлая душа Жуковскаго, котораго самыя мистическія размышленія, ни разу не довели до сомнѣнія въ значеніи высшихъ стремленій человѣческихъ, который въ письмѣ своемъ къ Гоголю боится и

колеблется произнести судъ даже надъ дѣятельностью германскаго поэта, радикально–противоположною его собственному жизненному и поэтическому воззрѣнію. Но Гоголь, именно потому что былъ несравненно глубже Жуковскаго по натурѣ, несравненно способнѣе къ энтузіазму и фанатизму, рѣшительно испугался «погибельныхъ» путей — испугался до того, что ни собственный его глубокій умъ, ни внушенія автора «Трехъ писемъ къ Гоголю» не могли его успокоить. Въ письмѣ напримѣръ къ мраколюбцу, онъ видимо мучительно борется съ страшнымъ для него взглядомъ, подозрѣвая въ то же самое время самага себя въ борьбѣ съ истиною. Тогда какъ дѣло рѣшалось очень просто. Мраколюбецъ вопіялъ на театрѣ по буквѣ, а не по духу великихъ мудрецовъ и учителей, во времена которыхъ, театръ уже утратилъ всякое серьезное значеніе и которыхъ вражда была враждою серьезныхъ, и глубоко смотрящихъ на жизнь мыслителей противъ дѣла, потерявшаго всякое живое значеніе и

получившаго значеніе праздной и даже развратной потѣхи властолюбія, сладострастія и порока. Однимъ словомъ, это была борьба духа съ плотью, съ мертвою, отжившею и извращенною буквою, тогда какъ у нашихъ мраколюбцевъ, стало это — борьбою мертвой буквы противъ живой жизни.

«Маякъ» хотѣлъ противодѣйствовать *ложному* просвѣщенію и безнравственности — но то, во имя чего онъ противодѣйствовалъ, его собственныя просвѣщеніе и нравственность, были чисто его, чисто субъективныя, прикованныя къ мертвой буквѣ понятія. Съ такого рода понятіями, онъ, чѣмъ далѣе шолъ, тѣмъ больше и больше расходился съ живою жизнью. Начавши довольно умѣренно, съ принциповъ, которые сами по себѣ совершенно истинны, онъ еще до загоскинскаго письма — въ приложеніяхъ принциповъ къ дѣлу, обличился уже въ своей полной несостоятельности. Свое собственное старческое несочувствіе къ

явленіямъ жизни, онъ счелъ за проведеніе высокихъ идей...

Вотъ съ чѣмъ между прочимъ выступалъ онъ еще въ 1840 году, еще до письма Загоскина:

Въ книгѣ IV, обвинивши (стр. 185) литературу нашу вообще въ томъ, что ей недостаетъ философіи, религіозности, народности, — уничтоживши значеніе Жуковскаго, хотя по какой-то непослѣдовательности искупленное впрочемъ съ избыткомъ въ 1845 году, обвиненіями въ деизмъ; сохранивши еще уваженіе къ старымъ писателямъ и къ Карамзину, критикъ доходитъ наконецъ до Пушкина:

«Что мнѣ будетъ, говоритъ онъ («Маякъ» 1840 г. ч. IV. стр. 188) если я не обинуясь скажу, что тотъ, кто призванъ былъ возсоздать русскую поэзію, именно тотъ *уронилъ ее, по крайней мѣрѣ десятилѣтя на четыре* — это Пушкинъ. Съ огромнымъ призваніемъ быть оракуломъ челоѣчества, онъ *удовольствовался славой ювелира,*

оставилъ намъ нѣсколько томовъ *чудныхъ поэтическихъ игрушекъ* и почти ничего безсмертнаго. Пожалуйста не сердитесь! выслушайте, я дѣло говорю.

«Первый стихъ его, могучій, умный, звучный — возбудилъ общій восторгъ и удивленіе. Литературные старики на рукахъ его носили, молодежь гурьбой бѣжала за нимъ, осыпая знаками удивленія и восклицанія. *Писать стихи ему ничего не стоило*: это была живая фабрика чудныхъ стиховъ. *Слава готова — къ чему ученье и трудъ?* И Пушкинъ не воспользовался всѣми предоставленными ему средствами ученія и просвѣщенія, онъ самъ намекнулъ объ этомъ въ своемъ портретѣ. Духъ, вылившійся по духу его времени, когда господствовали библейскія общества и либерализмъ, *два противные, неразлучные элемента (!!!)* увлекся въ молодости легкомысліемъ, свободой, разгуломъ пріятелей, молодежи, встрѣтилъ на пути преграды, плотины — вспѣнился, думалъ было волной перекатиться черезъ нихъ и

разлился олицетворенной эпиграммой.
Просто его захвалили до полусмерти.

«Не ищите у Пушкина философии. Онъ не знает ее. Природный умъ или лучше остроуміе, способное направляться во всѣ стороны, никогда не замѣнитъ философии. Пушкинъ не всегда вѣрный слуга истинъ; поэтическихъ софизмовъ, парадоксовъ у него много. Все это скрыто подъ блескомъ и красотой стиха. Не ищите у Пушкина религіозности: его умѣли отвратить отъ нея. А безъ этихъ двухъ жизненныхъ элементовъ, не можетъ быть жизни и въ произведеніяхъ. Только въ послѣднихъ его произведеніяхъ, мелькаетъ что-то похожее на религіозность, и поэтому то нельзя довольно оплакать, что Пушкинъ, самъ не успѣлъ поправить того, что самъ же испортилъ въ молодости.

«Что касается до народности, Пушкинъ былъ бы поэтъ по превосходству русскій, если бы по недостатку искусственнаго просвѣщенія разума, особливо образованія сердца и воли, развитія и оживленія чувства, т е. по недостатку матеріаловъ,

умственнаго капитала для творчества, не смотря на значительный дар творчества отъ природы, былъ бы, говорю, Пушкинъ великій поэтъ народный, если бы по всему этому не увлекся за Жуковскимъ въ подражаніе иноземному, особливо Байрону, сходному съ нимъ по превратностямъ жизни, борьбѣ съ обществомъ, но который далеко превосходилъ Пушкина ученостью и знаніемъ тайнъ челоѳческаго духа и сердца, чего Пушкинъ, какъ не философъ, никогда не изучалъ. Пушкинъ былъ пейзажистъ, Байронъ — историческій живописецъ. Что Пушкинъ видѣлъ, то мастерски схватывалъ и вѣрно и красиво писалъ, но онъ схватывалъ только внѣшнее въ челоѳкѣ и обществѣ. Челоѳческія фигуры на его пейзажахъ — вещь второстепенная. Не знаю, понятно ли я говорю: но больше разъяснить некогда.

«Пушкинъ какъ и Байронъ былъ сухъ, колючъ, блестящъ, могучъ: животворной теплоты любви — ни въ томъ ни въ другомъ. Оба они больше разрушали, чѣмъ созидали, больше отрицали, чѣмъ полагали.

Удивительно ли, что все преклонилось предъ ними, все увлеклось за ними? — подражатели разомъ поймали механизмъ пушкинскаго стиха, манеру, скорбь и вопли его генія, не туда направленнаго: но эти вопли приняли за разочарованіе, тоску, безнадежность самаго Пушкина, — за необходимую принадлежность всякаго великаго поэта. Кому не хотѣлось быть великимъ безъ великихъ дарованій и трудовъ? — и вотъ въ современной нашей поэзіи много стиховъ прекрасныхъ, *есть даже лучшіе чѣмъ у самаго Пушкина*, но *нѣтъ въ нихъ философіи, ни религіозности, ни народности*, нѣтъ свѣта, тепла, жизни, нѣтъ поэзіи; а только безжизненный, красивый стихотворный трупъ. Надо ждать новаго Пушкина. Между нынѣшними пѣвцами, почти ни одного нѣтъ; онъ еще зрѣеть. Пушкинъ! кто бы ты ни былъ, сознающій уже въ себѣ его крылья, его могучесть — остановись! не читай своихъ стиховъ пріятелямъ, не показывай ихъ журналистамъ. Не пиши теперь много, не исписывайся прежде времени; ты пока еще

теперь маленькій резервуаръ и скоро опорожнишься! родникомъ, кто только призванъ быть имъ, дѣлается въ половинѣ жизни. Сохрани же дѣвственность и свѣжесть поэтическихъ силъ твоихъ! изучай словомъ и дѣломъ философію, религію, народность. Подчини свою волю строгой феруль повиновенія. Спасай свое сердце отъ всего порочнаго. Разумъ свой просвѣщай истиной, чувство внушеніемъ красотъ природы, откровенья и искусства; но съ послѣднимъ будь остороженъ, не увлекайся ложными образцами: изучай, сравнивай всѣхъ, но никому не подражай и т. д.»

Я не останавливаю читателей на поразительномъ сходствѣ упрековъ, дѣлаемыхъ «Маякомъ» Пушкину, — сходствѣ простирающемся до тождества самыхъ выраженій, съ упреками дѣлаемыми поэту въ наше время прогрессистами—теоретиками и обскурантами—теоретиками... Дѣло въ томъ, что какъ «Маякъ» 1840 года, такъ и теоретики нашихъ дней — равно

теоретики, равно приступають къ жизни съ готовыми мѣрками — и поневолѣ становятся къ ней и къ отраженію ея литературѣ — въ отношеніе чисто-отрицательное.

Я нарочно беру теоріи «Маяка» въ первую его эпоху, — въ ту эпоху, когда они еще не глядятъ съ одной стороны на одинадцатую версту, какъ «Маякъ» 1844 и 1845 годовъ и не отвращаютъ еще отъ себя гебертизмомъ «Домашней Бесѣды». Отъ приводимыхъ мною мѣстъ, далеко еще до удивительныхъ статей о Пушкинѣ г. Мартынова, до обвиненія всѣхъ писателей нашихъ въ деизмѣ и пантеизмѣ, до сближенія литературы съ періодомъ энциклопедистовъ. Но всѣ эти послѣдующія «прелести», принадлежація къ области одинадцатой версты или «Домашней Бесѣды», заключаются уже какъ бы въ зернѣ въ первоначальныхъ критическихъ статьяхъ «Маяка».

Что они не заключаются какъ въ зернѣ, въ тѣхъ принципахъ, которыхъ «Маякъ» хвалился быть представителемъ, на это лучшимъ доказательствомъ будетъ

развернуть любую из статей Хомякова, Кирѣевскаго или отца Θεодора...

Мракъ былъ послѣдствіемъ чисто-субъективной теоріи издателей и примѣси ея къ принципамъ. Примѣсь эта тѣмъ была вреднѣе, чѣмъ серъзнѣе были принципы, ибо тѣмъ болѣе вводила въ искушеніе. Самое славянофильство, изъ уваженія къ принципамъ не раздѣлилось явно, рѣзко съ «Маякомъ», не только сначала, но даже и въ послѣдствіи. Позволяя себѣ иногда отмѣтить фальшивый тонъ въ сочиненіяхъ г. Муравьева, оно какъ будто несмѣло вступить въ открытую борьбу съ теоріями г. Бурачка, ибо, по странному ослѣпленію, считало такъ же какъ «Маякъ» и его адепты своимъ родоначальникомъ Шишкова...

«Маякъ» былъ чистымъ органомъ шишковизма или петербургскаго славянофильства. Отличительнымъ свойствомъ этого направленія было отрицательное отношеніе ко всему современному, — стремленіе насильственно удержать старое, — однимъ словомъ не

консерватизмъ, а чистый застой. Застой этотъ — старчески безсильный, призываетъ къ себѣ на помощь принципы весьма важные и существенные, но и самые принципы, профанируемые съ самага начала приложеніемъ на защиту застойной тины, постепенно профанировались все болѣе и болѣе и дошли наконецъ до гебертизма «Домашней Бесѣды».

Да и не могло быть иначе. Вотъ какъ съ самага же начала глядѣль «Маякъ» на современность и ея органъ — литературу.

«Ежели — говорить въ той же статьѣ критикъ, — образцы поэзіи, съ одной стороны невѣрно направленные, а съ другой превратно, поверхностно поняты и исключенные, *прямо вели къ упадку нашу поэзію*, то теоріи, ученія, сужденіе о поэзіи, окончившіяся *отрицаніемъ всякихъ правилъ и законовъ*, окончательно довершили упадокъ всей литературы и довели ее до *нынѣшняго разжиженнаго состоянія*» («Маякъ» 1840 г. Т. IV. стр. 190).

«Маякъ» предполагалъ литературу въ упадкѣ — и только что на первый разъ приличія ради, не жаловался съ адмираломъ Шишковымъ на то, что молокососы осмѣливаются судить о Херасковѣ — и серьёзные, существенные принципы заставлялъ служить такимъ вздорнымъ преданіямъ какъ Бургіева реторика, забвеніе которой считалъ отрицаніемъ *«всякихъ правилъ и законовъ»* — и какъ вся наша высокаторжественная литература XVIII вѣка, въ уклоненіи отъ которой онъ видѣлъ *нынѣшнее разжиженное состояніе* литературы. Великіе и серьёзные принципы брались литературными Фамусовыми только на прокатъ, только на защиту дорогой имъ эпохи *«выдуманныхъ»* сочиненій. Маякъ съ самаго же начала вопіеть на то что *«цѣлью, всѣхъ изящныхъ произведеній поставили единственно удовлетвореніе эстетическому вкусу не подчиняя ихъ ни какимъ другимъ условіямъ...»* Подъ другими условіями разумѣлись конечно — извѣстныя, китайски

опредѣленные нравственные понятія. А какъ только какая бы то ни было теорія, не только теорія застоя, но положительно какая бы то ни было, хотя бы теорія самага крайняго прогресса — начнетъ приступать къ жизни и ея органу — искусству, съ какими либо *своими* требованіями, а не съ тѣми которыя въ нихъ заключаются, т. е. не съ эстетически-жизненными — такъ она тотчасъ же станетъ къ знаменательнѣйшимъ явленіямъ искусства и жизни въ то отрицательное отношеніе, въ которомъ Пуритане напрімѣръ находились къ Шекспиру, а наши теоретики разныхъ сортовъ къ Пушкину, — всѣ отъ г. Бурачка до г. Дудышкина, отъ г. — бова до г. Аскоченскаго и г. Гымалэ.

Теорія же застоя разумѣется не остановится да и не можетъ остановиться ни передъ какими безобразіями. Отъ признанія эстетическихъ требованій, «Маякъ» ведетъ всѣ бѣдствія, постигшія несчастную російскую словестность.

«Отсюда» — говоритъ критикъ (*ibidem*) — «всѣ пороки рѣзни, оргіи, преступничество, каторжники, цыгане, разбойники, пираты, контрабандисты, жидаы, шулеры, всѣ мерзости челоуѣчества поступили въ число матеріаловъ для изящныхъ произведеній. Всѣ наши литераторы поголовно *не изучали философіи научнымъ образомъ*^(*), всесторонно, а приняли на слова этотъ и другіе германскіе эстетическіе законы изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ, какъ символъ литературной вѣры и проявляли эти теоріи словомъ и дѣломъ, ученіемъ и образцами.

Какими образцами проявлялъ «Маякъ» свои теоріи — открывается уже изъ этой же самой статьи. Образцами являются Булгаринъ въ своихъ романахъ и повѣстяхъ, Гречъ въ своей «Черной женщинѣ», Степановъ въ «Постояломъ дворѣ» и въ особенности г. Башуцкій —

^(*) Далась же эта несчастная философія (разумѣется по Баумейстеру, какъ реторика по Бургію) — и далась не только литературнымъ фамусовымъ, а людямъ повыше. Попрекнулъ же недавно Бѣлинскаго незнаіемъ фолософіи, тоже явно незнаіемъ по Баумейстеру или по Бавмейстеру) — челоуѣкъ во многомъ передовой, г. Погодинъ. Эти — упреки нѣчто въ родѣ застарѣлой болѣзни.

послѣдній въ особенности, ибо первые признаются образцами далеко несовершенными.

И такъ — вотъ какими шаткими опорами долженъ былъ «Маякъ» подкрѣплять свои теоріи въ дѣйствительности. Дѣйствительность же вся, кромѣ «Маяка», эти опоры отвергала.

Къ тому въ чемъ дѣйствительность видѣла руководящее выраженіе своихъ силъ, къ настоящей невыдуманной литературѣ — «Маякъ» сразу же сталъ въ отрицательное, укорительное и обличительное отношеніе. Въ особенности замѣчательно ясно высказался весь взглядъ «Маяка» — въ той же самой IV части, въ разборѣ *Героя нашего времени* Лермонтова — разборѣ, замѣчательномъ и основными мыслями и даже самыми формами, которыя глядятъ уже на одинадцатую версту и приближаются къ достолюбезнымъ формамъ «Домашней Бесѣды.» Разборъ этотъ — позволяю себѣ привести съ большою подробностью.

Онъ начинается разговоромъ въ гостиной. Въ гостиной потому, что неловко бы было по старому, по простодушнѣ манерѣ «Вѣстника Европы» — подчивать публику разговоромъ между просвирней, дьячкомъ и корректоромъ типографіи. «Маякъ» покоряется условіямъ времени.

«Вы читали, сударыня «Героя», какъ вамъ кажется? — Ахъ, безподобная вещь! по-русски ничего еще не было подобнаго... такъ это все живо, мило, ново... слогъ такой легкій, интересъ, такъ и заманиваетъ.

«А вамъ, сударыня?»

«Я не видала какъ прочла; и такъ жаль было что скоро кончилось — зачѣмъ только двѣ, а не двѣнадцать частей.

«А вамъ, сударыня?»

«Читается... ну прелесть! изъ рукъ не хочется выпустить. Вотъ если бы всѣ такъ писали по-русски, мы не стали бы читать ни одного романа французскаго.

«Ну, а вы Ив. Ив. что скажете?»

«А мнѣ кажется, что появленіе «Героя нашего времени» и такой пріемъ ему *всего*

разительные доказывает упадок нашей литературы и вкуса читателей.

«*Всѣ (въ голосѣ).* Ахъ! да какъ это можно? ахъ, кто этакъ варварски судить! ахъ! это просто зависть!.. ахъ! вотъ какъ убиваютъ таланты... ахъ! помилуйте Иванъ Иваннычъ!

«*Я. Mesdames, messieurs — чѣмъ такъ спорить, да шумѣть, не лучше ли теперь же расчитывать всю книгу, пересмотрѣть всѣ ея пружины, подставки, винтики, части, обсудить и тогда...*

«*Онъ. Пересмотрѣть, обсудить... настоящій мужчина; кто разсуждаетъ, когда надо просто наслаждаться? «Герой» истинное наслажденіе, душечка, какъ миль! ужасъ, какъ миль!*

«*Я. Какъ вамъ угодно, mesdames, я хоть для себя это сдѣлаю, пока вы наслаждаетесь...» (Маякъ, ч. IV, стр. 210).*

Вооружаться на дурной тонъ этого приступа — нечего. У Никодима Надоумки въ «Вѣстникѣ Европы», тонъ еще хуже — но у него, промежду грубыхъ семинарскихъ

выходокъ временами есть дѣло. Приступъ «Маяка» я привожу вовсе не для глумленія надъ его претензіями на свѣтскость. Изъ этого приступа видно — что «Маякъ» понималъ, съ какимъ важнымъ для общества литературнымъ явленіемъ онъ имѣеть дѣло — хотѣлъ сказать имъ, какъ отозвалось въ обществѣ созданіе Лермонтова, какъ оно возбудило интересъ даже въ томъ, въ комъ ничто интереса не возбуждаетъ, кого Гоголь въ послѣдствіи не церемонясь называлъ «пустыми свѣтскими башками».

«Я въ самой вещи развинтилъ «Героя», продолжаетъ послѣ *игриваго* приступа критикъ, «и вотъ что нашолъ: внѣшнее построеніе романа хорошо, слогъ хорошъ; содержаніе *романтическое по превосходству*, т. е. *ложное въ основаніи*; гармоніи между причинами, явленіями, слѣдствіями и цѣлью, ни малѣйшей, т. е. *внутреннее построеніе романа никуда не годится*, идея ложная, направленіе кривое.»

Вотъ что называется истинная обдѣлка а la Собакевичъ — послушайте далѣе:

«Оболочка свѣтскаго человѣка схвачена довольно хорошо, черты духа и сердца человѣческаго, обезображены до нелѣпости. Весь романъ — эпиграмма, составленная изъ непрерывныхъ софизмовъ, *такъ что философіи, религіозности, русской народности и слѣдовъ нѣтъ*. Всего этого слишкомъ достаточно, чтобъ угодить вкусу героевъ нашего времени, но въ тоже время, для человѣка здравомыслящаго, *т е. для профана въ современномъ героизмѣ*, слишкомъ неотраднo; отъ души жалѣешь, за чѣмъ Печоринъ, настоящій авторъ книги, такъ во зло употребилъ прекрасныя свои дарованія, единственно изъ-за грошовой подачки, похвалы людей, зѣвающихъ отъ пустоты головной, душевной и сердечной. Жаль, что онъ умеръ и на могилѣ поставилъ себѣ памятникъ «легкаго чтенія», похожій на гробъ повешенный:

снаружи красивъ, блеститъ мишурой, а внутри гниль и смрадъ.

«Кто же вскрываетъ гробы?»

«Правда, не слѣдовало бы, но для ложнаго литературнаго слѣдствія это необходимо.

«Вотъ содержаніе гроба: Герой нашего времени — *за отщичіе* сосланъ на Кавказъ, въ одну изъ заполошныхъ крѣпостей. Онъ является коменданту крѣпости, штабсъ-капитану Максиму Максимычу. Максимъ Максимычъ, герой прошлыхъ временъ, простой, добросердечный, чуть-чуть грамотный, слуга царю и людямъ на жизнь и смерть: нынче многіе Максимы Максимычи переродились въ героев нашего времени. Кой гдѣ въ отставку по хуторамъ, и на Кавказъ, по крѣпостямъ, уцѣлѣли ихъ отрывки. Здѣсь Максимъ Максимычъ весь цѣликомъ, живой и былъ бы единственнымъ отраднымъ лицомъ во всей книгѣ, еслибъ живописецъ для большаго успѣха своего «героя» *не вздумалъ отънѣть добряка штабсъ-капитана отшивомъ d'un bon homme,*

смѣшного чудака. Таковы уже законы легкаго чтенія — въ самомъ добрѣ надо находить только смѣшное, оно будетъ сухо и скучно. За то, какъ миль и какъ великъ герой, стоя рядомъ съ Максимомъ Максимычемъ, который принялъ его въ свою пустыню какъ друга, ласкалъ какъ брата, ухаживалъ за нимъ какъ отецъ, а тотъ?... тому все это было смѣшно, несносно... Только что не надѣлялъ онъ Максима Максимыча, за любовь его, щелчками по носу... жаль, авторъ не воспользовался этимъ для полноты трескучихъ эффектовъ.

«Герой, настоящій герой! въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотъ, всѣ иззябнуть и устнуть, а ему ничего. А въ другой разъ, въ комнату, вѣтеръ пахнетъ, увяряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ, а на кабана ходилъ одинъ на одинъ.»

За тѣмъ критикъ въ насмѣшливомъ тонѣ рассказываетъ исторію похищенія Бѣлы, охлажденія къ ней Печорина и ея смерти.

Замѣчательно, что на слова Печорина: Глупецъ я или злодѣй, не знаю, — критикъ отвѣчаетъ такъ, совершенно уже во вкусъ и въ тонъ г. Аскоченскаго:

«А я, такъ знаю, слѣдовало бы отвѣчать Максиму Максимычу, ты и то и другое, и глупъ какъ дерево, при всей остротѣ твоей, и золь какъ голодный волкъ! и если ты не хотѣлъ отдать за нее мимолетной прихоти, то жизни и подавно не отдашь. Но авторъ не велѣлъ ему такъ отвѣчать, а герой знай себѣ мелеть героическій вздоръ на тотъ же ладъ, нѣсколько страницъ и кончилъ — скукою.»

Въ такомъ же тонѣ продолжаетъ критикъ передавать и дальнѣйшее содержаніе романа. «Отдѣлавши» первый рассказъ, онъ замѣчаетъ:

«*Итого*: воровство, грабежъ, пьянство, (??) похищеніе и обольщеніе дѣвушки, два убійства, презрѣніе ко всему святому, одеревенѣлость, парадоксы, софизмы,

звѣрство духовное и тѣлесное. Все это элементы перваго акта похождения героя! Въ самомъ дѣлѣ, ужасъ какъ должно читаться, такъ легко, утѣшительно! и все такъ мило, совершенно во вкусѣ образованнаго общества, особливо нѣжнаго пола, и такъ натурально! живая натура!

«Этимъ я не хочу сказать будто грѣшныя, грязныя и порочныя вещицы человѣческія надо вовсе исключить изъ числа матеріаловъ и колеровъ изящной словесности и убаюкивать читателя одними добродѣтельными, свѣтлыми, высокими, чистыми, которыя такъ же рѣдки въ падшемъ человѣчествѣ, нѣтъ, я хочу только, чтобъ всѣ колера картины человѣческаго сердца были съ подлиннымъ вѣрны, съ темной и съ свѣтлой стороны, чтобъ читателей не водили въ кабинетъ идеальныхъ чудовищъ, нарочно подобранныхъ, чтобы картина грязной стороны къ чему-нибудь служила, а не вредила и (курсивомъ въ подлинникѣ) *чтобы авторъ не клеветалъ на цѣлое поколѣніе людей,*

выдавая чудовище, а не человека, представителемъ этого поколѣнія.»

Здѣсь не мѣсто защищать Лермонтова отъ нелѣпыхъ обвиненій въ апотеозѣ порока — обвиненій, которыя самъ поэтъ какъ будто предвидѣлъ въ своемъ многодумномъ предисловіи ко второму изданію романа. Пойдемте дальше за критикомъ.

Разказавши по своему равнодушную встрѣчу Печорина съ Максимомъ Максимычемъ — онъ удивительнѣйшимъ образомъ передаетъ разказъ «Тамань». Передача эта — какъ будто похищена изъ неувядаемыхъ лавровъ г. Аскоченскаго. Слушайте:

«Второе похождение героя случилось въ Тамани. Городишка мерзкій, никто не пускалъ героя на квартиру. Варвары, невѣжи! не пускать къ себѣ героя нашихъ временъ! Толи дѣло образованный и просвѣщенный классъ! Не только всѣ будуары ему настезь: живи и спи сколько хочешь, но и сами спятъ съ нимъ сладко и

пресладко! Едва нашлась въ Тамани честная семья, на краю города, на берегу моря, глухая старуха, слѣпой сынъ и хорошенькая дочка; то были контрабандисты, *герои, достойные героя нашихъ временъ*. Въ первую же ночь герой подмѣтилъ, что старушка не глуха, слѣпой не слѣпъ, *и дочка лихая дѣвка*. Онъ какъ-то сталъ присматриваться на красотку, намекнулъ ей, что онъ замѣтилъ ихъ промысль. Дѣвушка героиня и въ лицѣ не измѣнилась, прикинулась влюбленною, обняла, поцѣловала героя, назначила ночью свиданіе на берегу; герой заткнулъ пистолеть за поясъ и пошолъ. Дѣвушка ждала его, посадила въ лодку, оттолкнулась, лодка поплыла, героиня обняла героя нѣжно-сладко, пистолеть бухъ въ воду. Герой смѣкнулъ дѣло. *Дѣвка на героя*, такъ и тащить его въ воду. Герой борется лодка накренилась. *Дѣвка — его, онъ — дѣвку*: кончилось тѣмъ, что, какъ слѣдуетъ, герой побѣдилъ героиню, сбросилъ ее въ воду, та скрылась въ волнахъ.»

Вы видите, что критикъ не брезгаетъ ни какимъ тономъ для проведенія своего взгляда въ толпу — какъ и вообще теорія мрака блистательно доказываетъ и въ наши дни отсутствіе брезгливости въ лицѣ своихъ адептовъ гг. Аскоченскаго, Култинскаго, Баркова (неизвѣстнаго переводчика академіи, и одного изъ сочинителей брошюръ о современныхъ идеяхъ, представляющаго такъ сказать *очистительную индійскую авитару* прежняго). Непониманіе поэзіи разсказа «Тамань» тутъ явно намѣренное. Столь же явно намѣренное и непониманіе психологическихъ задачъ поэта. Съ софизмами Печорина — критикъ спорить, придаетъ имъ нарочно значеніе *убѣжденій* времени и заключаетъ свои разсужденія такъ:

«Нельзя лучше придумать эпитафіи на могилы всѣхъ героевъ нашего времени! софизмъ на софизмѣ, ложь на лжи, нелѣпость на нелѣпости, какъ сами они.

Между тѣмъ, здѣсь мотивъ всего романа, именно эта тема, развита въ немъ въ лицахъ и словахъ. Психологическія несообразности на каждомъ шагу перенизаны мышленіемъ неистовой словесности. Короче, эта книга, идеаль геогностическій. Она должна имѣть огромный успѣхъ! Всѣ дѣйствующія лица, кромѣ Максима Максимыча съ его отливомъ *ridicule'я*, на подборъ удивительные герои, и при оптическомъ разнообразіи, всѣ отлиты въ одну форму, самага автора Печорина, генераль-героя, и замаскированы, кто въ юпку, кто въ шинель, а присмотритесь, всѣ на одно лицо, и все *казарменные прапорщики не перебѣсившіеся. Добрый пучекъ розогъ, и все бы рукой сняло!* Ну да впрочемъ это все вымышленное самимъ Печоринымъ для вящаго эффекта: *въ натурь этикіе безчувственные, безсовѣстные люди невозможны.* Ванька Каинъ, и тотъ бывало, зарѣжетъ челоуѣка и мучится совѣстью, а у этихъ господъ и госпожъ совѣсти будто вовсе не бывало. Много есть эгоистовъ, негодяевъ, которые передъ людьми

кажутся, будто для нихъ нѣтъ ничего святого, но въ душѣ, въ своемъ журналѣ, они совсѣмъ другое чувствуютъ и пишутъ. А тутъ герои, точно доска, къ доскѣ прибиты мыслительная машинка; машинка вертится по вѣтру, а внутри ничего не отдается, ни разумъ, ни чувство, ни совѣсть. Это психологически невозможно...»

Положимъ, что и такъ — т. е. допустимъ, что критику фактъ, дѣйствительно странный и уродливый кажется психологическою невозможностью — да вѣдь именно поэтому то онъ и долженъ былъ посерьѣзнѣе въ него взглядѣться. Но дѣло въ томъ, что критикъ намѣренно принялъ его за психологическую невозможность, намѣренно относится къ нему легко, намѣренно искажаетъ его гдѣ только можетъ.

Вѣдь критикъ «Маяка» явнымъ образомъ — человекъ умный и по своему проницательный, вѣдь онъ явнымъ образомъ нарочно, юродства ради, вдается въ тонъ гг. Баркова старшаго и Баркова

младшаго. Вѣдь его воззрѣнія повторятся современемъ и въ вопляхъ славянофильства, настоящаго московскаго славянофильства, противъ «гнилыхъ» людей, и въ негодованіи г. —бова на Обломовцевъ, и въ жизненномъ взглядѣ такихъ абсолютныхъ реалистовъ какъ Писемскій. Вѣдь нѣкоторыя выраженія и мысли въ мѣстахъ мною приведенныхъ — если забыть только неприличный тонъ — имѣютъ много общаго съ выраженіями и мыслями ненавистниковъ «гнилыхъ» «тронутыхъ тлетворной цивилизаціей» людей, гонителей Обломовцевъ, реалистовъ, которымъ Печоринъ не можетъ ничѣмъ инымъ казаться какъ неперебѣсившимся юношей, даже аналитиковъ какъ Толстой, которымъ въ натурѣ такія личности должны казаться невозможными. Однимъ словомъ во взглядѣ этомъ есть своя доля правды и эта доля правды, выступала вполнѣдствіи и въ живыхъ типахъ литературныхъ и въ энергическихъ доктринахъ...

Странное дѣло, что доктрины столь по видимому различныя, какъ доктрина «Маяка», доктрина славянофильства и доктрина гг. Чернышевскаго и —бова, мирятся у насъ на одномъ — на враждѣ или равнодушїи къ Пушкину, на отрицанїи значенїя типа лермонтовскаго. Еще можетъ быть страннѣе то, что отрицая истинность лермонтовскаго типа, всѣ доктрины самому Лермонтову придаютъ значенїе болѣе важное, чѣмъ Пушкину.

Критикъ «Маяка» понималъ, разбирая Лермонтова, съ какою силою онъ имѣетъ дѣло. Эту силу и свое пониманїе принесъ онъ въ жертву теорїи, доктринѣ мрака. Пушкина онъ явно не понималъ, но Лермонтова понималъ несомнѣнно. Мѣсто въ приведенномъ мною отрывкѣ о Пушкинѣ, гдѣ онъ обращается къ «новому» Пушкину, едва ли прямо не относится къ Лермонтову. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ статьи о стихотворенїяхъ Лермонтова въ XII книжкѣ «Маяка», того же 1840 года. Статья эта написана въ формѣ письма къ поэту, и заслуживаетъ

подробнаго разбора. Человѣкъ умный и понимающій, человѣкъ честный, видимо борется въ ней съ фанатикомъ мрачной доктрины и фанатикъ — увы! одерживаетъ побѣду надъ умнымъ и честнымъ по натурѣ человѣкомъ. Не смотря на поучительный и назидательный тонъ статьи, въ ней слышно сердце, которому идолослуженіе теоріи можетъ быть многого стоило. Это не наглость «Домашней Бесѣды», хотя послѣ такой побѣды доктрины, наглость «Домашней Бесѣды» является прямымъ логическимъ послѣдствіемъ взгляда «Маяка».

Статья начинается съ выходки противъ я и его господства въ нашемъ вѣкѣ — выходки, которая была бы и разумна и правильна, если бы не была такъ голоотрицательна, еслибы она оставляла этому я его законное существованіе, и еслибы положеніе, что преобладаніе я убило повсемѣстно поэзію, не убивалось само такимъ громаднымъ фактомъ жизни какъ Байронъ и такими многознаменательными фактами ея же, этой не поддающейся

опредѣленіямъ жизни, какъ Лермонтовъ и Гейне. Кончивши свою діатрибу противъ я, критикъ прямо переходитъ къ Лермонтову.

«Передъ нами («Маякъ» 1840 г. кн. XII, стран. 122), стихотворенія М. Ю. Лермонтова. Это замѣчательный стихотворецъ, очень и очень не послѣдній, можетъ быть первый изъ нынѣшнихъ стихотворцевъ. *Стихъ славный, стальной, онъ и гнется, и упругъ, и звучитъ и блеститъ отраженіемъ мысли*»...

Неправда ли, что не смотря на старческой тонъ начальныхъ словъ, стихъ Лермонтова опредѣлень превосходно, точно какъ бы Бѣлинскимъ, и замѣтте! тогда, когда г. Шевыревъ доказывалъ, что стихъ у Лермонтова еще не сложился, еще подражательный, разбиралъ недосмотры и придирался къ грамматическимъ ошибкамъ. Особенность, *сталь* Лермонтовскаго стиха поняли сразу только Бѣлинскій и — *credite pasteri!* — г. Бурачекъ. Послѣдній идетъ даже въ крайность:

«Но отличительное достоинство этого стиха, *которымъ онъ едва ли не превосходитъ всь русскіе стихи*: въ немъ столько словъ, сколько нужно ихъ для полного и яснаго выраженія мысли. Стихотворецъ кажется и не думаетъ о рѣимѣ, не разжижаетъ для полного счета стопъ своего стиха вставными ненужными словами. Ежели совершенный стихъ долженъ въ чтеніи сохранять всю естественность и свободу прозы, а это дѣйствительно такъ, то стихъ Лермонтова очень близокъ къ совершенству.»

Критикъ, по глубокой инстинктивной враждѣ всякаго теоретика *bien pñ* къ Пушкину, умалчиваетъ о Пушкинскомъ стихѣ, къ которому естественность, свобода и отсутствіе ненужныхъ вставокъ относятся несравненно въ большей степени, чѣмъ къ Лермонтовскому, но вслѣдъ же за этимъ удивительно мѣтко и точно говоритъ объ особенностяхъ Лермонтовскаго стиха, сравнительно съ стихами другихъ поэтовъ.

«Другое достоинство этого стиха — частота, скупость на риторические орнаменты, даже иногда бедность ихъ. Онъ совершенно противоположенъ стиху Бенедиктова, увѣшенному метафорическими серьгами, браслетами, фероньерками, гдѣ брильянтовыми, а гдѣ, и большею частью стразовыми, оттого, что въ нихъ иногда, за неимѣніемъ мысли, могущей играть и отражаться въ тропическихъ граняхъ стиха — вода, простая стеклянная вода! Стихъ Бенедиктова — дѣвочка: сформируется, довоспитается, образуется — будетъ хорошенькая. Стихъ Лермонтова — мальчикъ, рослый, плечистый, себѣ на умѣ. Рѣдко онъ рѣзвится, еще рѣже онъ играетъ тѣми миленькими пустячками, въ которыхъ многіе находятъ поэзію поэзіи».

Да! такое трезвое и даже тонкое пониманіе, хоть бы Бѣлинскому такъ въ пору, особенно, повторяю опять, въ ту эпоху, когда г. Шевыревъ млѣлъ въ

пиіческомъ восторгѣ передъ Бенедиктовымъ и отыскивалъ грамматическія ошибки въ Лермонтовѣ. Даже камешекъ, бросаемый въ огородъ Пушкина, въ граціозность его поэзіи, брошенъ во имя такого взгляда, съ которымъ можно спорить насчетъ его суровыхъ требованій, но который можно уважать.

«А когда такъ, спрашиваетъ вслѣдъ за тѣмъ критикъ, то чего жъ еще требовать? Россія можетъ гордиться отличнымъ поэтомъ?»

«Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ! *Одного захвалили на повалъ,* побережемъ хоть тѣхъ, которые цѣлы еще. Послушайте, умный поэтъ! Пока стихи ваши были въ вашей портфели, они были неприкосновенны для критики. Вы ихъ пустили въ свѣтъ, неуждно ли вамъ стать поодаль и вмѣстѣ съ нами посмотрѣть на нихъ глазомъ посторонняго. Это право стоитъ труда.

«Стихъ мы видѣли; сохраните его навсегда такимъ: и на первой же выставкѣ покажемъ его всей Европѣ. Теперь посмотрите, что въ этомъ стихѣ содержится: его *мысль, содержаніе*, его душу.»

Прежде всего критикъ обращаетъ вниманіе на пьесу: «журналистъ, читатель и писатель.» При первыхъ же строчкахъ этого стихотворенія, т. е. при словахъ журналиста, онъ, старчески-вѣрующій, что все зло нашей литературы происходитъ отъ захваленія журналистами и пріятелями (это цѣлая общая пѣсня съ покойнымъ Булгаринымъ), дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе:

«Видите, всему злу причина эти журналисты. вмѣсто того, чтобъ отъ поэтовъ требовать изобрѣтенія прекрасной дѣйствительности, истины, неразлучной съ добромъ и красотой, они требуютъ отъ нихъ сонныхъ грезъ, *мечть* (курсивомъ въ оригиналѣ), да еще и называютъ эти

призраки божественными. Должно быть у нихъ другой лексиконъ вещей и словъ. Но послушайся поэтъ? — журналисты не напечатають стиховъ, не дадутъ колоссальной репутаціи; а не напечатають — нечего будетъ собирать и издавать въ свѣтъ».

Насколько это несправедливо вообще и въ особенности у насъ, въ нашей литературѣ, въ которой то и дѣло, что помимо критики и журналовъ, возникаютъ литературныя репутаціи поэтовъ, какъ на примѣръ Полонскій и Мей и зачастую такъ же холодно принимаются увѣнчанные журнальными лаврами репутаціи, нечего кажется и спорить. У критика «Маяка» это просто его ідѣе фіхе, такая же, по отношенію къ Пушкину, какъ у Булгарина по отношенію къ Гоголю.

Закончивши первоначальную выписку строфою поэмы, начинающейся вопросомъ: о чемъ писать? — критикъ говоритъ:

«Вы сущую правду сказали, умный поэтъ; *вамъ не о чемъ писать, а все журналы виноваты!* Бѣгайте ихъ! Не будь ежемѣсячной повинности, оброка, *поставки стиховъ къ сроку*, вы бы можетъ быть добровольно написали цѣлую поэму, а изъ-подъ неволи: пиши, давай стиховъ! да еще стиховъ по нашей теоріи, чтобъ были *могучіе, раздирательные* (курсивъ въ оригиналѣ), безъ всякой цѣли, а пуще всего — непременно въ честь и славу *я*, которое терпѣть не можетъ «нравственныхъ сентенцій», «нравоученій» или, что одно и тоже по новѣйшему толкованію «китайскаго духа.» Да ко всему этому, чтобъ были еще и новенькіе, съ новою оригинальною мыслью. *Ни что не ново подъ луною!* (курсивъ въ оригиналѣ). Данныя все тѣже отъ созданія міра, гдѣ же набраться новенькаго? по неволѣ бросишься въ свое *я*, оно теперь гигантски шагаетъ, молодѣетъ, новѣетъ, свобода у него полная; софизмы, призраки, все, что идетъ на перекоръ всему, признанному за истинное здоровымъ смысломъ всего человѣчества,

однимъ словомъ, полный просторъ: пиши что душѣ угодно, только бы не совпадало съ тѣмъ, о чемъ прежде писали, и будетъ оригинально.»

Здѣсь опять выступаетъ намѣренное непониманіе; все капризное, больное настроеніе поэта принимается за чистую монету, и когда поэтъ кончаетъ свою жолчную и грустную тираду опять тѣмъ же вопросомъ: *о чемъ писать?* критикъ хватается за этотъ вопросъ и нѣтъ мѣры его торжеству надъ современностью.

«И такъ, поэтъ, — говоритъ онъ, — вамъ не о чемъ писать? Вы это говорите *не шутя, настойчиво, повторяете не разъ*. И такъ вы дѣлали ваши поиски въ мрачной странѣ *я*, и за предѣлами этого мрака ничего болѣе не видите? Ежели это такъ, то я согласенъ, что вамъ не о чемъ писать: вы точно ничего не видите, потому именно, что сидите упорно въ потемкахъ *я*; это ужасное *я* не вамъ чета людей слѣпило. Но кто же вамъ далъ право думать, что если вы не

видите, то ужь ничего и нѣтъ? За страною мрака есть страна свѣта, зачѣмъ вы туда нейдете? Тамъ, во свѣтѣ и при свѣтѣ вы увидите чудныя тайны мірозданія, устроеннаго по чертежу добра, истины и красоты»...

Нѣсколько страницъ ратуеть критикъ такимъ образомъ противъ я, привязывается къ «Думѣ», чтобы побранить наше поколѣніе, намѣренно принимаетъ случайный поэтическій моментъ «И скучно и грустно» за убѣжденіе поэта и его поколѣнія... Всѣ эти воззрѣнія выражены впрочемъ серьёзно и съ полнымъ уваженіемъ къ таланту автора. «Вопіющаго» въ нихъ нѣтъ ничего, многое изъ этого сказано было впоследствии и реализмомъ и разными доктринами; борьба противъ я обнаружилась впоследствии при появленіи блѣднаго сколка съ героя нашего времени, «Тамарина», и нашла себѣ отголосокъ въ массѣ. Чуть было даже борьба эта не перешла за предѣлы

доктринъ. Во всякомъ случаѣ, то, что говорилъ «Маякъ», повторилось.

Но это вовсе не торжество идеи «Маяка», а торжество тѣхъ началъ, которыя онъ выставлялъ на защиту своей идеи.

Идея же была чистый шишковизмъ, — шишковизмъ, который совершенно подавилъ даже и такой прямой и честный умъ, какъ умъ критика «Маяка». Странное дѣло! Можно ли узнать вѣрнаго и тонкаго цѣнителя лермонтовскаго стиха въ слѣдующей оцѣнкѣ, а оцѣнка эта очень знаменательна. Дѣло идетъ объ одномъ изъ превосходнѣйшихъ произведеній Лермонтова, о «Бородинѣ».

«Прекрасная вещь у васъ, поэтъ, «Бородино», говоритъ критикъ. Но «Бородино» такая колоссальная поэма, что простому усачу даже не понять колоссальныхъ ея элементовъ. Объ этой вещи надо писать огневымъ перомъ О. Н. Глинки. Вы сдѣлали большую ошибку, что не взяли труда на себя, а поручили усачу. Это произведение было бы

выше и «пѣсни про царя Ивана Васильевича», и «Мцыри» двухъ серьёзныхъ поэмъ, гдѣ вы вполнѣ показали себя» и проч.

Что это такое? спрашиваете вы себя съ невольнымъ удивленіемъ. Глубокая и тонкая оцѣнка лермонтовскаго стиха, серьёзность мысли и доктрины хотя односторонней въ борьбѣ съ я, и вмѣстѣ тѣмъ, привязанность къ ходульности... Лермонтовъ и **Θ. Н. Глинка**, — правда поэзіи или поэзія правды и смѣшная восторженность, сталь и шумиха! Логическая рѣчь мужа превращается вдругъ въ старческую болтовню; человекъ способный понимать значеніе Лермонтова, требуетъ вдругъ отъ поэзіи того, надъ чѣмъ уже и Дмитріевъ насмѣялся, требуетъ, чтобы были

и **Фебъ** и райски крины,

требуется того, чего

Нехитрому уму не выдумать и ввѣкъ...

Еще знаменательное мѣсто о «пѣсни про царя Ивана Васильевича». Критикъ, по видимому понявшій всю красоту и силу поэмы, вдругъ, выписавши удивительное мѣсто о казни Степана Калашникова, замѣчаетъ, что «такія страницы, сказалъ Сегюръ, не достойны даже исторіи, не только поэзіи»... какъ-будто бы кому нибудь нужно еще принимать къ свѣденію, чть сказалъ Сегюръ, относить «подобныя сцены кроваваго, бурнаго молодечества» къ неистовствамъ словесности, съ ироніей потомъ называетъ Наполеона «молодцомъ изъ молодцовъ», съ замѣчательною тупостью порицаетъ «Три пальмы» за то, что караванъ срубилъ и сжегъ единственныя три благодѣтельныя пальмы въ песчаной пустыни, закрывавшія колодець съ водой, а «Дары Терека» за то, что тутъ есть два утопленника. Изумительно!

Критикъ переходитъ наконецъ къ «Мцыри.» Выписавши стихи:

Однажды русскій генераль,
Изъ горь къ Тифлису
подъѣзжалъ;
Ребенка плѣннаго онъ везъ.
Тотъ занемогъ, не перенесъ
Трудовъ далекаго пути:
Онъ былъ казалось лѣтъ
шести;
Какъ серна горь пугливъ и
дикъ,
И *слабъ* и *гибокъ* какъ
тростникъ.
Но въ немъ мучительный
недугъ
Развилъ тогда *могучій* духъ
Его отцовъ

онъ начинаетъ новую діатрибу уже не противъ *я*, а противъ звѣрства, какъ—будто апотеозу звѣрства хотѣлъ представить поэтъ въ своемъ «Мцыри»:

«Надоѣлъ этотъ *могучій* духъ! Воспѣванія о немъ поэтовъ и мудрованія о немъ

философовъ, удивительно жалки и приторны. Что такое *могучій* духъ? Это — *дикія* движенія человека, не вышедшаго еще изъ состоянія животнаго, въ которомъ Я свирѣпствуетъ необузданно.»

Другими словами, могучій духъ — неукротимая страстность, и съ нею—то, не только съ неукротимою страстностью, но вообще съ страстностью борется доктрина «Маяка» — доктрина крайне односторонняя, проведеніе которой въ жизни удовлетворило бы развѣ только идеалу скопческихъ сектъ. А добрый и умный старикъ Крыловъ, который уменъ и не въ однихъ басняхъ, прекрасно сказалъ въ своемъ посланіи о пользѣ страстей, что

Они ведутъ науки къ совершенству,

Глупца ко злу, философа къ блаженству.

Хорошъ сей міръ, хорошъ; но безъ страстей

Онъ кораблю бѣ былъ равенъ
безъ снастей.

«Могучій духъ въ медвѣдѣ, барсѣ,
василискѣ, Ванькѣ Каинѣ, Картушѣ,
Робеспьерѣ, Пугачовѣ, въ дикомъ горцѣ, въ
Александрѣ Македонскомъ, въ Цесарѣ, въ
Наполеонѣ — одинъ и тотъ же родъ: дикая,
необузданная воля, естественная въ звѣрѣ,
преступная въ человѣкѣ, тѣмъ болѣе
преступная, чѣмъ онъ просвѣщеннѣе...»

Вотъ оно, слово разгадки! Ванька
Каинъ — явленіе совершенно однородное съ
Наполеономъ и Александромъ
Македонскимъ, ибо тотъ и другой,
однородны съ барсомъ, медвѣдемъ,
василискомъ!

Письмо благодушнаго М. Н. Загоскина,
помѣщенное въ IV книжкѣ — наконецъ таки
принесло свой плодъ въ XII-й!..

Съ этого момента, взгляды «Маяка»
естественно перестаютъ уже подлежать
серьёзному спору, и серьёзному
обсужденію...

III

«Мы рѣдко оставались наединѣ» — такъ повѣствуетъ герой одного изъ загоскинскихъ романовъ о началѣ недозволенной и законопреступной страсти къ женѣ пріятеля, «а когда это случилось, то говорили о нашей дружбѣ, о счастіи двухъ душъ, которыя понимаютъ другъ друга, читали вмѣстѣ «Новую Элоизу» «Вертера» «Августа Лафонтена.» Закамской отгадалъ: мы трогались, плакали, раза три принимались перечитывать «Бѣдную Лизу» «Наталью боярскую дочь» и «Островъ Борнгольмъ» — но, что болѣе всего нравилось Надинѣ, что мы знали оба почти наизусть, такъ это не большой драматическій отрывокъ: «Софья», *особенно замѣчательный по своему необычайному сходству съ сочиненіями французскихъ романистовъ нашего времени. Читая его, мы такъ сказать, предвкушали наслажденіе, которое*

доставляет намъ теперь молодая французская словесность. Этотъ литературный грѣхъ великаго писателя, едва начавшаго свое блестящее поприще, не помѣщенъ въ полномъ собраніи его сочиненій и, быть можетъ, многіе изъ моихъ читателей не имѣютъ о немъ никакого понятія...» (Искуситель сочин. М. Загоскина. Москва 1854 г. (третье изданіе) ч. III. стран. 54).

Позволяю себѣ и я напомнить современнымъ моимъ читателямъ, по крайней мѣрѣ большинству изъ нихъ, что этотъ грѣхъ принадлежитъ Карамзину. Въ смирдинскомъ изданіи полного собранія сочиненій русскихъ авторовъ, они найдутъ его въ сочиненіяхъ Карамзина, т. III, стран. 283. Въ литературномъ смыслѣ, — это дѣйствительно грѣхъ — и грѣхъ, который въ наше время не можетъ быть прочитанъ безъ смѣха, болѣе даже чѣмъ «Бѣдная Лиза», «Наталья боярская дочь», «Островъ Борнгольмъ» (наименѣе впрочемъ смѣшной изъ этихъ рассказовъ,

не лишонный даже нѣкотораго жиденькаго, но сумрачнаго колорита). Загоскинъ или герой его романа, очень смѣшно и даже остроумно, хотя не вездѣ вѣрно, передаютъ всю нелѣпость содержанія этого драматическаго отрывка.

«Вотъ въ чемъ дѣло: Софья, молодая и прекрасная женщина, *точь въ точь одна изъ героинь Бальзака или Евгенія Сю*, вышла замужъ, по собственной своей волѣ, за г. Доброва, шестидесятилѣтняго старика, такого же самоподательнаго и услужливаго мужа, *каковъ мосье Жакъ, въ романъ извѣстнаго Жоржа Занда, или лучше сказать, благочестивой г-жи Дюдеванъ*. У этого Доброва, Богъ вѣсть почему, живетъ какой-то французъ Летень; онъ соблазняетъ Софью. Софья рѣшается сказать объ этомъ своему мужу и просить у него позволенія уѣхать съ своимъ любовникомъ въ Брянскіе лѣса. Старый мужъ удивляется, не вѣритъ; но Софья объявляетъ ему, что она уже три года въ интригѣ съ французомъ, и что сынъ,

котораго Добровъ называетъ своимъ, не его, а *ея* сынъ. Старикъ начинаетъ кричать, шумѣть, предаеть ея проклятію; съ нимъ дѣлается дурно; потомъ, онъ приходитъ въ себя, плачетъ, импровизируетъ ужасные монологи, просить у жены прощенья, становится передъ ней на колѣни. *Но Софья женщина съ характеромъ*: она говоритъ пречувствительныя рѣчи, и все-таки не хочетъ съ нимъ остаться и просить позволенія уѣхать съ французомъ. Наконецъ великодушный *мужъ соглашается*, закладываютъ карету и добродѣтельная супруга отправляется съ мосье Летъень въ Брянскіе лѣса.»

Должно замѣтить, что здѣсь нашъ добрый романистъ пересолилъ. Какой бы ни былъ нравственный либераль Карамзинъ въ свою эпоху — и все-таки онъ не дошолъ еще до теоріи добровольнаго соглашенія, такъ «блистательно» выдвинутой въ наши дни авторомъ «Подводнаго камня». Вы думаете, читатель, что «Подводный камень» вещь новая? Разуверьтесь! Еще Карамзинъ

задавался этою мыслью. Но у него, какъ у человека, болѣе свѣжаго, менѣе заражоннаго теоріей, Добровъ вовсе не съ миромъ отпускаетъ отъ себя свою Софью. Когда она, прощаясь съ нимъ, бросается къ ногамъ его и рыдая говоритъ: «Въ послѣдній разъ прошу тебя забудь меня! Въ послѣдній разъ...» Добровъ, вырывается и раздражительно говоря: желаю вамъ всякаго добра, уходитъ въ кабинетъ. Софья бросается къ дверямъ, но онъ запираетъ ихъ. Карамзинъ еще былъ не теоретикъ, онъ только поставилъ вопросъ, а не рѣшилъ его какъ г. Авдѣевъ, который опередилъ, куда ужъ его — но даже автора великаго психологическаго романа: «Кто виноватъ» потому: г. Авдѣевъ — молодець, «молодець изъ молодцовъ» — выражаясь слогомъ г. Бурачка.

«*Все это*», продолжаетъ разкащикъ — «какъ изволите видѣть, *очень натурально*, но конецъ еще лучше. Жить вѣчно въ лѣсу вовсе не забавно. Французъ начинаетъ скучать и, отъ нечего дѣлать, волочится за

Парашею, горничной дѣвушкою Софьи. Барыня замѣчаетъ, ревнуетъ, французъ крадетъ у нее десять тысячъ рублей и уговариваетъ Парашу бѣжать съ нимъ въ Москву. Софья ихъ подслушиваетъ, кидается на француза, рѣжетъ его ножомъ, потомъ сходитъ съ ума, бѣгаетъ по лѣсу, разговариваетъ съ *бурными вѣтрами* и кричитъ: моря, пролейте! Подлинно съумасшедшая! Ну какія моря въ брянскихъ лѣсахъ? Къ концу довольно длиннаго монолога, который напоминаетъ сначала Шекспирова «Царя Лира,» а подъ конецъ его же «Макбета», Софья подбѣгаетъ къ рѣкѣ, кричитъ: вода, вода! бросается съ берега и тонетъ...»

Все это такъ, все это рассказано уморительно вѣрно — но не литературную нелѣпость юношеской попытки Карамзина казнить здѣсь добродушнѣйшій и талантливѣйшій изъ шишковистовъ, а «безнравственность» его содержанія и — вредное ея вліяніе. Вы удивляетесь конечно, что же нашолъ онъ тутъ

безнравственного и какое вредное вліяніе могло отъ Софьи происходить?.. А вотъ послушайте:

«Однажды», рассказываетъ герой — «это было уже зимою, часу въ девятомъ вечера, я заѣхалъ къ Днѣпровскимъ. Мужа не было дома; не смотря на ужасную вьюгу и морозъ, онъ отправился въ англійскій клубъ. Надина была одна. Она сидѣла задумавшись передъ столикомъ на которомъ лежала разогнутая книга; мнѣ показалось, что глаза у нея заплаканы.

— Что съ вами?.. спросилъ я. Вы что-то разстроены?

— Такъ, ничего! отвѣчала Надина: — я читала...

— Софью?.. сказалъ я, заглянувъ въ книгу.

— Да. Странное дѣло, я знаю наизусть эти прелестныя сцены и всякій разъ читаю ихъ съ новымъ наслажденіемъ.

— Чему жъ вы удивляетесь? Одно посредственное теряетъ вмѣстѣ съ новостью

свое главное достоинство; но то, что истинно, превосходно...

– Повѣрите ли? продолжала Надина, — мой мужъ, котораго я уговорила прочесть этотъ драматическій отрывокъ, говоритъ, что въ немъ нѣтъ ничего драматическаго; что пошлый злодѣй Летьень походить на самага обыкновеннаго французскаго парикмахера; что Софья гадка; что мужъ ея *вовсе не жалокъ, а смѣшонъ и очень глупъ?* Боже мой! до какой степени можетъ человѣкъ изсушить свое сердце! То, что извлекаетъ невольныя слезы, потрясаетъ душу нашу, кажется ему и пошлымъ и смѣшнымъ! Я уважаю Алексѣя Семеновича: онъ очень добрый человѣкъ и любитъ меня столько, сколько можетъ любить; но согласитесь, Александръ Михайловичъ, такое отсутствіе всякой чувствительности въ человѣкѣ, съ которымъ я должна провести всю жизнь мою, ужасно!»

Никому конечно въ наше время, при чтеніи «Софьи» Карамзина, не придетъ въ голову мысль о томъ, что это —

произведеніе для нравственности вредное. «Софья», просто плохая вещь и потому конечно, великій писатель исключилъ ее изъ собранія своихъ сочиненій. Но въ ту эпоху, даже и его «Софья» — какъ сказала я уже въ моей вступительной статьѣ, возбуждала въ поборникахъ шишковизма благочестивый ужасъ, ибо вся его молодая литературная дѣятельность имѣла одну задачу, смягчить *жестокіе* нравы его окружавшіе. Поборникамъ старыхъ идеаловъ, поборникамъ «жестокихъ», но крѣпкихъ нравовъ, такое разъясненіе казалось растлѣніемъ...

И вотъ когда оппозиція «жестокихъ» нравовъ, сбросивши съ себя личину борьбы за старый и новый слогъ, выступила прямо въ «Маякѣ» въ сороковыхъ годахъ, — она неминуемо должна была въ концѣ концовъ признать «растлѣніемъ» всю нашу литературу, отъ Карамзина и до Лермонтова включительно. Умѣренный тонъ, взятый «Маякомъ» сначала его существованія, не могъ быть долго выдержанъ... Задача его, направленіе

заклучалось вовсе не въ философско–мистическихъ принципахъ: — философско–мистическіе принципы только употреблены были на службу теоріи застоя, на защиту «жестокихъ» нравовъ...

Такъ какъ всякая теорія должна же опираться на какіе либо факты дѣйствительности, то «Маякъ» опирался сначала на старую литературу нашу XVIII вѣка. Впослѣдствіи, онъ и ее почти всю сталъ укорять въ деизмъ, безнравственности — и въ ней увидѣлъ ступень, которая вела къ ненавистной и враждебной ему современности.

Противъ ненавистныхъ и враждебныхъ ему силъ жизни — застою долженъ былъ выставить какіе либо *свои* идеалы, противъ литературы растлѣнія — свою литературу.

Ее не было въ прошедшемъ, ибо въ этомъ прошедшемъ «Маякъ» видѣлъ или явленія совершенно вымершія какъ Херасковъ, — явленія которыя нельзя было навязать жизни насильно, или явленія живыя весьма подозрительнаго для него свойства, какъ фонъ Визинъ, Карамзинъ. Ея не было и въ

настоящемъ. Единственный писатель, на котораго направленіе могло указать, былъ даровитый и благодушный литературный Фамусовъ, М. Н. Загоскинъ.

«Маякъ» долженъ былъ *сочинять* свою литературу и дѣйствительно *сочинялъ* ее цѣлыхъ четыре года, сочинялъ и романы и комедіи и стихотворенія — но все это *сочиненное* подлежить уже наравнѣ съ критическими статьями г. Мартынова, мнѣніями «Домашней Бесѣды» и «новымъ Асмодеемъ» г. Кочки–Сопрана уже не литературнымъ, а патологическимъ изслѣдованіямъ. *Сочиненіями* своими застой окончательно подорвалъ себя.

Можно сказать даже, что ярость застоя, бессильная и смѣшная въ проявленіяхъ, содѣйствовала къ полному и, на время, исключительному торжеству отрицательнаго взгляда — наглядно показывая своимъ безсиліемъ его силы.

Ибо за отрицательный взглядъ были въ то время жизнь и литература.

А. Григорьевъ